

Дочери озера

Автор:

[Венди Уэбб](#)

Дочери озера

Венди Уэбб

Ток. Мистик-триллер

Таинственная готика американского Севера. Ключи к разгадке убийства столетней давности скрываются в снах одной женщины...

Тяжело переживая крушение своего брака, Кейт Грейнджер поселилась в доме родителей на берегу громадного озера Верхнее. И там овеянные легендами воды «внутреннего моря» Северной Америки подкидывают ей страшную тайну – выбрасывают на берег убитую женщину. Удивительно хорошо сохранившееся тело в старинной ночной рубашке, в складках которой... запутался мертвый ребенок.

Кто она? У полиции нет ответа на этот вопрос. Но Кейт словно знает эту женщину – видит в странных снах, где не может отличить себя от нее. Эти сны бурлящим потоком уносят ее на сто лет назад, кружат в водовороте древних легенд и семейных преданий. В них Кейт – соучастница давней истории любви, полной трагедий и до сих пор не разрешенных загадок.

Но теперь озеро готово дать ответы. А Кейт жаждет их получить. Пусть она может объединиться с утопленницей лишь во снах, только вместе женщины способны раскрыть страшные тайны прошлого...

«Алхимический сплав любви, козней, историй предков и сверхъестественного». – Bookreporter

«Отлично прописанные характеры и напряженный сюжет делают этот роман хитом». – Publishers Weekly

«Роман имеет все, чтобы стать завораживающей историей: в нем есть неожиданные семейные тайны, призраки, трагические истории любви, переплетенные судьбы». – Refinery29

«Насквозь готическая история». – Star Tribune

Венди Уэбб

Дочери озера

Бену, моему сыну, луне и звездам [1 - Игра слов, основанная на аналогичном звучании англ. son (сын) и sun (солнце); параллельное значение фразы - «Бену, моему солнцу, луне и звездам».]

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Наконец это время пришло: озеро отдало ее. И однажды утром на исходе лета мягко вынесло тело на мелководье – можно было подумать, что она просто плыла, погрузившись в спокойный сон. В белой ночной рубашке – длинной, развевающейся, изящной, с бантом на вороте. Такие раньше надевали на ночь состоятельные женщины. Спутанные каштановые волосы каскадом ниспадали на лицо. Она слегка улыбалась. Глаза удивительного фиалкового цвета чуть приоткрыты – словно она только что проснулась. Одна рука спряталась в

складках, другая вытянулась, вцепившись в прибрежный песок. Как будто женщина пыталась вытащить себя на берег.

Ее внешность была тем более поразительна, что женщина умерла почти столетие назад.

Когда тело вынесло на берег в то утро, никто из ныне живущих ничего не помнил о ней. Кроме Кейт Грейнджер, которая – вовсе не случайное совпадение – жила в доме с видом на тот самый берег, где сейчас лежал труп.

Близкие утопленницы сами давно умерли, истории и ее, и их жизнью – удивительные или ничем не примечательные – похоронены вместе с ними, растворились в земле или воде, позабылись, стали частью пейзажа. Как и эта женщина за прошедший век.

Но некоторые истории – преимущественно необычные, связанные с убийствами и тайнами, имеют свойство всплывать на поверхность, особенно когда нужно исправлять ошибки прошлого. Они дают о себе знать, несмотря на все усилия сохранить их в тайне. Всеу свое время. И сейчас время самое подходящее.

В тот момент, когда тело выбросило на берег, Кейт Грейнджер плеснула в чашку остатки кофе из кофейника и свернулась калачиком с кроссвордом в кресле, любимом с детства. Она и не подозревала, что ее жизнь вот-вот совершит очень странный поворот.

Тело обнаружил ее отец Фред. Фред прогуливался по этому участку берега со своей собакой каждое утро столько лет, что уже сбился со счета. Во время прогулок под мелодичный шум плещущейся о берег воды он обретал душевный покой. Жизнь разыгрывала новыми красками.

За прошедшие годы он находил на берегу озера много разных мелочей, выброшенных туда ветром и волнами. Конечно, там были камни, отполированные песком и водой до блеска стеклышек. Они украшали берег, как ракушки, – дары этого внутреннего моря. Многие местные верили, что в камешках живет дух озера, – хотя и сами себе не признавались в этом. Люди подбирали их и носили в карманах или клали на приборные панели, подоконники и столы как талисманы, приносящие удачу.

Во время прогулок Фред находил не только камни. С детства озеро одаривало его самыми разными вещами, которые можно изучать, разглядывать и просто любоваться. Однажды утром после внезапного особенно сильного ночного шторма Фред нашел обломок спасательной шлюпки и понял, что озеро утащило на дно судно со всем экипажем. В другой раз он обнаружил на мелководье каноэ, в котором остались ланч для пикника, пара спасательных жилетов и непочатая бутылка виски «Джек Дэниэлс». Он навел справки, но так и не узнал, кому принадлежало каноэ или что озеро сделало с его владельцами. Но одно он знал точно – бутылку лучше не открывать. А вот ни одного трупа Фреду обнаружить еще не доводилось.

Утро началось как обычно. Фред со своей немецкой овчаркой Сэди спустились по длинной деревянной лестнице с домовой террасы на берег. Вместо того чтобы, как всегда, помчаться вдоль берега, Сэди застыла, поджала хвост, наклонила голову и уставилась на воду, утробно рыча, как будто испугалась самого озера.

– Сэди! Идем, девочка! – окликнул хозяин. Но собака не трогалась с места.

Фред вгляделся в горизонт в том направлении, куда смотрела Сэди, и заметил в воде какой-то предмет, но с такого расстояния не мог определить, что это. Коряга? Перевернутая байдарка?

Предмет подплывал все ближе к берегу, и Фред почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Никакая не байдарка.

Он прищурился на солнце, полез в задний карман за мобильником, который брал на прогулки по настоянию жены, и набрал номер шерифа Джонни.

– Джон, я не уверен, но мне кажется, в озере труп, – сообщил он.

Шериф и «Скорая помощь» должны вот-вот подъехать. Тем временем Фред скинул ботинки и, несмотря на протесты Сэди, ступил в холодную воду. Оставался маленький шанс, что человек еще жив. Нужно попытаться помочь. Но, приблизившись, Фред понял, что перед ним уже неодушевленный предмет, который поздно спасать. Он стоял по щиколотку в воде и смотрел, как тело женщины плывет к берегу под предостерегающий лай. Через несколько минут прибыл шериф.

– Что тут у нас?.. – начал было Джонни и резко замолчал. Он не был набожным, но вдруг вспомнил уроки в католической школе и перекрестился. Мужчины молчали. Джонни служил шерифом округа уже двадцать пять лет и не раз бывал на месте преступления, но сейчас просто стоял с открытым ртом, пораженный видом мертвой женщины. Ему доводилось встречать несколько трупов, но ничего похожего на этот. Возможно, дело было в ее безупречной коже или в позе – утопленница цеплялась одной рукой за песок. Или в выражении лица. «Она не кажется мертвой», – подумал Джонни. Из безжизненных глаз как будто исходил свет.

В голове шерифа возникли какие-то смутные, обрывочные мысли, совсем неподходящие для места преступления. Джонни Страттон задумался о настоящей любви. От выражения лица утопленницы его мысли почему-то переключились на утреннюю ухмылочку бывшей жены (увы, он слишком хорошо ее помнил), а потом на более приятное воспоминание о Мэри Карлсон, своей первой любви, – сладко пахнувшей, добродушной рыжеволосой девушке, которую Страттон не видел со средней школы. Джонни вспомнил ее бедро, прижавшееся к его бедру, когда они разъезжали по городу в стареньком отцовском «Камаро». Какой мягкой была на ощупь ее маленькая ручка, когда их пальцы переплелись. Какой яблочный аромат исходил от нее. Стоя на берегу озера и глядя на труп, шериф задумался, что стало с Мэри. А потом выбросил эти мысли из головы. Господи, он же на месте преступления.

Фред тоже был загипнотизирован увиденным. Он тоже думал о своей настоящей любви – женщине, которая сейчас, конечно, моет посуду после завтрака. О Беверли, на которой женат уже сорок пять лет. Хорошо, что она не пошла с ним и не видит это.

Раздумья обоих прервало появление Кейт. Она торопливо спускалась по лестнице на берег.

– Пап! – позвала она. Мужчины вздрогнули и резко повернули головы в ее сторону. – Папа! Я услышала лай Сэди и пришла проверить, все ли в порядке...

Подойдя ближе, она тоже замолчала. Бросила взгляд на безжизненное лицо женщины и рухнула на колени, заглушая ладонями рвущийся наружу беззвучный крик.

– Ничего страшного, дорогая. – Фред подбежал и обнял дочь. – Джонни прямо сейчас вызовет судмедэксперта. Да, Джон? Идем домой. Пусть шериф делает свою работу.

– Нет! – Вместо крика у Кейт получился шепот. Она вырвалась из отцовских объятий. Никто не успел ее остановить – она подбежала к утопленнице и начала рвать на ней рубашку. Когда Джонни с Фредом оттащили Кейти, все трое снова замерли.

– Господи Иисусе, – прошептал Джонни.

Кейт наконец обрела дар речи и пронзила утреннюю тишину таким громким воплем, что все живое в округе замолчало, прислушиваясь. Там, в складках одеяния покойницы, свернулся ребенок. Неподвижное крошечное тельце словно безмятежно спало, убаюканное в материнских объятиях.

Глава 2

Грейт-Бэй, 1889

В то утро, когда Адди Кассатт появилась на свет, туман так окутал деревья, дома и берег озера, что ее мать Мари не осмелилась отправиться к доктору в одиночку. Его кабинет находился неподалеку – Кассатты жили меньше чем в миле от главной улицы, но в то утро Мари не видела дальше порога. Она устала на плотную белую пелену, не зная, что предпринять. Дом ближайшего соседа исчез в тумане, а муж сейчас рыбачил на озере, невзирая на непогоду и деликатное положение жены. Некому помочь ей добраться до поселка или вызвать доктора. Она одна в доме и, как казалось Мари, одна на всем белом свете. Но лужица под ногами свидетельствовала, что ей недолго осталось пребывать в одиночестве: вот-вот появится младенец.

Муж Мари Маркус и его брат Джин были потомками тех, кто рыбачил в этих водах с незапамятных времен. Они не собирались пропускать целый день из-за какого-то там тумана (не говоря уж о беременности Мари). Большинство других местных рыбаков считали, что очень глупо со стороны Кассаттов выходить в

такую погоду. Но Маркус и Джин знали, что рыбе нравится бархатистый туман. Братья не раз видели, как косяки высывали морды на поверхность туманным утром, чтобы попробовать кисею на вкус.

Мари все это было неважно: она лежала одна в постели, ворочаясь и содрогаясь от боли – предвестницы скорого появления первенца. Поселок не так уж далеко, – твердила она себе после каждой схватки, когда боль слабела. Она изо дня в день ходила по этой грунтовой дороге со своими собаками и прекрасно знала каждый поворот. Разумеется, сможет сама добраться туда. Или хотя бы до соседского дома.

Давай, Мари. Просто небольшой туман. Встань. Позови на помощь. Ребенок на подходе.

Мари попыталась встать с постели, но боль усилилась. Она со стоном опустила голову обратно на подушку. Возникло ощущение, что она плывет. Как будто ее тело стало рекой, по которой ее ребенок, как по мосту, войдет в этот мир.

Все мысли улетучились. В окно спальни была видна только ослепительная белизна. Кто знает – может, она уже поглотила школу, магазин, почту и весь поселок. Осталось ли хоть что-нибудь? Уцелел ли мир? Мысли об этой белой плотной сущности, напоминающей живое существо, привели Мари в ужас. Она была уверена, что если рискнет выйти наружу, то туман собьет ее с пути, уведет в густой лес за поселком, и там она будет блуждать, пока не родится ребенок. Еще больше выбивал из колеи тот факт, что на заднем дворе Поляр и Люси лаяли на белизну.

Помоги мне, мама, – последняя здравая мысль, которая промелькнула в голове. А потом ее тело содрогнулось от схваток.

Чуть дальше вдоль берега соседка Мари, Руби Томпсон, собирала узелок. Она знала, что болван Маркус ушел на озеро, оставив жену одну-одинешеньку в такой день, когда ей вот-вот рожать. Нужно убедиться, что с Мари все в порядке, – и плевать на туман.

Руби завернула с собой свежее испеченный пирог и вышла в белизну навстречу длинному ряду сосен между их домами. Она медленно, вслепую, двигалась на ощупь от дерева к дереву. Прогулка в тумане напомнила Руби зимний день из

детства, когда она оказалась на улице в метель. Тогда несколько человек из их маленькой общины погибли, захваченные врасплох внезапной снежной бурей. Маленькая Руби возвращалась домой из школы, когда повалил снег. Тогда она, как и сегодня, пробиралась от дерева к дереву, пытаясь отыскать дорогу. И сейчас ее бил озноб от одной мысли о том дне, который не так уж сильно отличался от нынешнего. Наконец Руби добралась до дома Кассаттов и вздохнула с облегчением.

Она постучалась в дверь. Почему Мари не отвечает?

Господи Иисусе. Должно быть, рождает прямо сейчас.

Руби толкнула дверь – не заперто. И вошла.

– Мари! – позвала она. Ответа не последовало.

Где она? Где эти проклятые собаки?

Руби обошла дом комнату за комнатой – пусто. Она начала впадать в отчаяние. Что-то здесь не так. Когда женщина обнаружила, что ведущая на задний двор кухонная дверь открыта, то выбежала наружу, не обращая внимания на слепящий туман. Руби наизусть знала дорогу от кухни до берега озера и могла пройти ее с закрытыми глазами. А сейчас именно это и требовалось.

Руби поспешила вниз по тропинке, спотыкаясь о корни деревьев и камни – почему Маркус не расчистил как следует эту тропинку, ленивый придурок, – пока не добралась до озера. Дальше нескольких дюймов ничего не видно. В какую сторону идти? Она повернула налево и побежала вдоль берега, зовя подругу по имени.

Вскоре Мари выплыла из тумана почти у ног Руби. Она лежала на мелководье – то ли потеряла сознание, то ли уснула, то ли умерла. Платье обвилось вокруг ног. Ребенка нигде не видно.

На крики Руби сбегались все, кто был рядом. Первым – ее муж Томас, потом Отто и Бетси Лунд. К тому времени, как мужчины отнесли Мари обратно в дом, позволили Руби переодеть ее в сухую ночную рубашку и уложили в кровать,

Мари вышла из оцепенения.

- Куда вы ее унесли? - плакала она в бреду. - Где мой ребенок?

Никто не спрашивал, зачем она пошла к озеру. Никто вообще ничего не говорил кроме «отдыхай, Мари», «тебе пришлось столько пережить» и «ну всё, всё».

Но такими словами материнское горе не унять. Взгляд Мари метался из стороны в сторону. Она вновь и вновь пыталась подняться с постели.

- Мое дитя, - повторяла она. Руби взяла мужа под руку и вывела наружу.

- Посмотри на заднем дворе, в озере - везде, где только можно, - прошептала она. - Ребенок где-то там. Не дай волкам добраться до него.

Нужно похоронить по-христиански, - подумала женщина, но вслух ничего не сказала. Где же доктор? Пусть даст Мари что-нибудь, чтобы она перестала кричать.

* * *

Маленький Джесс Стюарт не говорил ни родителям, ни кому-то еще, что в то утро он услышал зов, влекущий на берег озера. Такой ясный, словно кто-то по-настоящему звал его.

Лежа под своей кроватью, он устроил битву деревянных солдатиков, подаренных дядей на пятый день рождения. И услышал звук, который никогда раньше не слышал. Мальчик высунул голову из-под одеяла и прислушался. Звук напоминал пение, но без слов. И мелодия не походила ни на одну из знакомых песен. Это было что-то другое, особенное. Джесс никогда не слышал музыки прекраснее. Он положил голову на прохладный пол, закрыл глаза и позволил мелодии накрыть его с головой.

Звук лился в уши и выплескивался наружу, и в голове возникали картины. Мальчик представил, как плывет по озеру в лодке с красивой женщиной. Это была не его мать, но у нее были такие же длинные волосы, и она казалась такой доброй и любящей, что ему очень захотелось забраться к ней на колени и

заснуть, как он делал совсем маленьким. Но теперь он уже большой мальчик – такое ребячество не для него. Джесс открыл глаза, бросил солдатиков в разгар битвы и подкрался к окну. Может, отсюда он увидит что-нибудь необычное. Хотелось понять, откуда исходит эта музыка.

Но Джесс не увидел ничего странного – только туман. Откуда доносится пение, неясно, но мальчику показалось, что источник где-то у озера. Что там? Кто там?

Джесс прокрался к задней двери, надел куртку и спустился с холма к озеру. Он не сказал матери, куда идет. Он знал, что она не выпустит его на улицу в такой туман, а ему предстоит серьезное расследование. Приблизившись к озеру, Джесс обнаружил, что туман не такой густой, как вокруг дома. Мальчик мог видеть на несколько футов, но только в сторону воды.

Какое-то время Джесс стоял и смотрел, пытаясь что-нибудь разглядеть. Как раз в этот момент какая-то темная фигура высунула голову из воды. Существо немного походило на бобра или выдру, только гораздо крупнее. Есть ли у него рога? Джесс не понимал. Он прищурился и присмотрелся внимательнее. Да, кажется, есть. А что это на спине – горб или шипы?

Джесс был зачарован. Он никогда не видел ничего подобного. Может, это морское чудовище?

Чем бы ни было это существо, оно смотрело в его сторону, подзывая. Джесс медленно двинулся навстречу, чтобы разглядеть получше. Их взгляды встретились. Поворотный момент в жизни маленького мальчика, который он не забудет никогда. Когда Джесс повзрослеет, он нередко станет рассказывать эту историю, выпив лишнего в местном баре и становясь предметом добродушных шуток и насмешек. Но ничьи насмешки не могли убедить Джесса, что он просто дурачок. Он точно знал, что именно увидел в тот день. Всю юность он часто сидел на берегу озера, зовя странное существо, но оно так и не вернулось. Это воспоминание преследовало его всю жизнь, а диковинная песня звенела в ушах, когда он просыпался глубокой ночью.

В юности Джесс рылся в книгах с описаниями местных животных в поисках сведений о существах, обитавших на этих берегах. Но ни в одном описании и ни на одной иллюстрации он не нашел никого хотя бы отдаленно похожего на увиденное в тот день. Как будто такого странного создания вообще не

существовало на свете.

Если бы он обратил внимание на древние пиктограммы в прибрежных пещерах, которые начинались сразу за родительским домом, то обнаружил бы там изображение того самого загадочного существа, которое видел. Другие люди тоже встречали его – еще давным-давно. Эта находка могла бы подтолкнуть Джесса к дальнейшему изучению местных легенд и преданий. Он бы нашел историю о древнем волшебном существе, обитавшем в этих водах; о грозном духе, которого хорошо знали жившие здесь в древности народы. Говорят, что существо было воплощением самого озера и наделяло его воды способностью на свое усмотрение спасать или отнимать жизни тех, кто отваживался войти в него или обойти его вокруг. По легенде, это существо могло, когда захочет, принимать человеческий облик. В те давние времена местные знали, что озеро выбирает себе любимчиков, ради них каждый раз успокаивая бурю, и внезапно устраивает шторм, чтобы опрокинуть лодки других. Местные так уважали могущество существа и самого озера и так боялись, что, прежде чем сесть в свои каноэ, приносили дары в надежде успокоить, угодить и сделать путешествие безопасным.

Конечно, теперь люди не склонны к таким суевериям.

Они имеют привычку забывать прошлое, сосредоточившись на будущем.

Легенды и предания превратились в байки для развлечения гостей у камина после сытного ужина. Старые верования исчезли с наступлением новой эпохи, но духи из этих легенд никуда не исчезли и по-прежнему занимались своим важным делом в ожидании, что кто-нибудь снова поверит в них.

В тот туманный день маленький Джесс Стюарт стоял на берегу и смотрел на странное животное, которое открыло пасть и запело. Как раз в это мгновение что-то заставило мальчика оглянуться, и он увидел собак. Поляр и Люси – аляскинские маламуты Кассаттов. Они утащились на воду – точнее, на что-то в воде. Этим «чем-то» была Адди, но тогда Джесс не знал ее имени. Он увидел просто младенца, плавающего на мелководье между двумя валунами. Когда мальчик обернулся, странное животное исчезло. Пение стихло. Остался только плавающий в воде ребенок.

Джесс знал, что ему, пятилетнему, не справиться одному, и позвал родителей:

– Мам! Пап! Идите скорее!

Фил Стюарт высунул голову из двери черного хода. В отличие от придурка Маркуса он в тот день остался дома, как и любой разумный рыбац.

– Джесс, домой! – крикнул мальчику отец.

– Но там малыш...

– Домой, кому говорят!

Джесс услышал, как дверь захлопнулась. Конечно, ему не поверили. Родители никогда не верят детям, когда те пытаются рассказать что-то важное. Джесс вскарабкался на пригорок – обратно к дому, чтобы попробовать еще раз:

– Там в озере малыш.

Дело срочное. На глаза мальчика навернулись слезы. Это, как он и рассчитывал, привлекло внимание родителей.

– О чем ты, дорогой? Какой еще малыш?

Его мать Дженни отложила вышивание и посмотрела сыну в глаза.

– Человеческий, – всхлипнул Джесс, отчаянно жестикулируя в сторону берега. – Вам нужно идти туда прямо сейчас.

Дженни с Филом беспокойно переглянулись. Человеческий малыш? Фил покачал головой и снова уткнулся в газету. Но Дженни вспомнила, что Мари Кассатт скоро рожать. От этой мысли все тело Дженни затряслось и загудело от ужаса, который накатывает, когда кто-то появился с очень плохими известиями, но еще не сказал ни слова. Она вскочила так быстро, что уронила стул, вылетела за дверь и помчалась к озеру. Муж и сын бросились за ней.

Ни Дженни, ни Фил не ожидали и в самом деле обнаружить в воде живого младенца, тем более спокойно плавающего, засунув себе ручонку в рот. А вот Джесс знал, что все будет именно так, – как и до его ухода.

- Будь я проклят, - пробормотал Фил.

- Беги, - велела Дженни сыну, доставая младенца из воды и заворачивая в свою шаль. - Беги по берегу к Кассаттам. Скажи им, что мы сейчас придем.

Женщина не была уверена, что это ребенок Мари, но, скорее всего, так и есть. Она также не представляла, как и почему младенец оказался в озере. Неужели Мари пыталась утопить дочку? Нет, не может быть. Дженни знала, с каким нетерпением Кассатты ждали первенца. Не пострадала ли сама Мари?

Фил перочинным ножом перерезал пуповину девочки, а Дженни перевязала ее, и плаценту унесло волной. Затем супруги сквозь туман поспешили по берегу к дому Кассаттов. Когда они подошли, Фил распахнул дверь перед Дженни с младенцем на руках. Соседи, все еще толкущиеся вокруг Мари, дружно заахали.

- Народ, вы не поверите! - Такого волнения в голосе Фила еще никто никогда не слышал. Мари молча выпрямилась в постели, округлив глаза и не осмеливаясь даже вздохнуть, когда Дженни положила младенца ей на руки.

Фил уселся на стул с прямой спинкой и покачал головой:

- Девочка плавала в озере неподалеку от нашего дома. Ее нашел Джесс. Когда он крикнул нам, что на берегу ребенок, мы с Дженни подумали, что он просто бредит. Но он поднял такой шум, что мы пошли взглянуть. И там на самом деле оказался ребенок. Чистая, как стеклышко, спокойная, как моллюск, и так ловко плавала в воде, словно там родилась. Хотя да, наверное, там она и родилась.

Соседи увлеченно ловили каждое слово, но Мари почти не слушала Фила. Она смотрела в фиалковые глаза дочери и благодарила озеро за то, что оно спасло жизнь ее ребенку. Самой следовало догадаться, что дочь именно там.

Джесс Стюарт, стоящий за спиной матери, был благодарен озеру или этому странному существу за то, что кто-то из них подарил ему ребенка. Именно так его пятилетний ум истолковал события этого дня. Все просто: его позвали на берег озера в туман, чтобы вручить подарок. Он избран спасти девочку и теперь отвечает за нее. Мальчик не сказал об этом ни своим, ни ее родителям. Им незачем знать.

Следующие несколько лет Джесс наблюдал, как подрастает малышка Аделаида – или Адди, как ее все называли. Смотрел, как мать везла девочку по поселку в детской коляске. Как Поляр и Люси катали ее зимой на санках. Как Адди делает первые шаги. Как она играла на заднем дворе, пока он шел в школу. К тому времени она тоже начала наблюдать за ним.

Глава 3

Кейт открыла глаза и обнаружила себя в спальне. Свежий утренний свет струился в чуть приоткрытое и полуприкрытое белой кружевной занавеской окно с шестью створками. Лежа в кровати, Кейт смотрела, как занавеска медленно, осторожно заколыхалась на ветру. Зрелище танцующей и раскачивающейся, вздымающейся то тут, то там занавески завораживало.

Кейт обвела взглядом комнату. Темный туалетный столик со скамеечкой, двумя выдвижными ящиками и овальным зеркалом. На столике серебристая расческа и карманное зеркальце.

Всегда хотелось иметь такую расческу, – подумала она.

Кейт хотела подойти к зеркалу и посмотреться в него, но не смогла: что-то удержало ее. Вместо этого она уютно устроилась под двумя одеялами – красным и пушисто-белым. И ощутила такое умиротворение, которого не испытывала в последнее время, если вообще когда-нибудь испытывала.

Такое приятное чувство.

Комната была в основном белая. Крашеные белые деревянные стены, белый потолок. Широкие половицы из темного дерева. Цветастый коврик, сплетенный из старого тряпья. Рядом с Кейт стоял маленький прикроватный столик с коллекцией мелких камушков, тонкой книгой в твердом переплете, кувшином с водой и стаканом.

Вокруг витал запах сирени.

– Как поживает моя красавица-жена?

Звук мужского голоса, который она никогда раньше не слышала, но почему-то хорошо ей знакомого, прервал раздумья Кейт.

Она подняла глаза и увидела в дверях мужчину. Он держал большую вазу с фиолетовой и белой сиренью – любимыми цветами Кейт. Такие ароматные, такие нежные и такие недолговечные.

Мужчина был высоким, темноволосым и темноглазым. Боже мой, он так красив. Она никогда раньше не видела его лица, но мужчина казался хорошо знакомым. Кейт одновременно увидела в нем маленького мальчика, подростка, юношу и взрослого. Все лица этого человека в разном возрасте пронеслись перед ней в один миг, словно она знала его всю жизнь.

– Ваша жена счастлива открыть глаза и увидеть своего красавца-мужа, – раздался голос. Кейт поняла, что это отвечает она сама, хотя голос был не ее. К тому же она не собиралась говорить ничего подобного.

Что происходит? – подумала Кейт откуда-то из глубины сознания. – Где я? Где Кейт? Я все еще здесь?

Ей показалось, что она теряет себя, погружаясь в чью-то чужую душу и в то же время улыбаясь этому мужчине.

– Посмотри-ка, что расцвело, – улыбнулся он в ответ, протягивая вазу. Поставил на туалетный столик и нырнул в постель к Кейт.

Кейт почувствовала близость его тела. Его запах... «Мыло слоновой кости» [2 - Мыло белого цвета, производимое с 1879 года компанией «Procter & Gamble» и обладающее способностью не тонуть, а плавать (Прим. пер.)].?

– В это прекрасное утро я решил сорвать немного цветов для моей жены, – пробормотал он ей в ухо.

Жены? – это слово резануло слух Кейт.

– Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю, дорогая моя девочка.

– Это очень кстати, – услышала Кейт свой радостный смех. – Учитывая, как сильно я люблю тебя, ты должен быть совершенно очарован мной – на меньшее я не согласна.

Мужчина перекатился на бок и подпер голову рукой. Необычайно красивое лицо. Смуглая кожа. Темные глаза, сияющие внутренним светом.

Что ж, все не так плохо, – подумала Кейт.

– Чем займемся сегодня? – спросил он. – Утро быстро проходит, пока моя ленивая девочка спит. У нас впереди целая суббота и никаких планов. Не хочешь прокатиться на лодке?

– Может, позже, – улыбнулась Кейт. – А пока хочу просто полежать еще немного рядом с мужчиной, который принес мне цветы.

– Ты всегда такая разумная девочка. – Он обнял ее.

Кейт закрыла глаза, уткнулась лицом ему в шею и внезапно ощутила прилив любви, которой никогда не испытывала.

Где-то в самой глубине души Кейт плакала. Такого у нее не было никогда и ни с кем – даже с Кевином, даже в самом начале их отношений. Она никогда не испытывала такой любви – как во сне.

Вот что такое настоящий рай, – подумала она. – Вот что значит найти свою половинку.

Она открыла глаза и обнаружила, что находится одна в белой комнате. Встала с кровати и подошла к зеркалу. На нее уставилось странное отражение – лицо другой женщины. И все же оно казалось знакомым. Кейт провела рукой по длинной гриве темно-каштановых волос, спутанных и растрепанных со сна. Посмотрела в фиалковые глаза отражения и коснулась ленты на вороте белой ночнушки. Где она видела это раньше?..

Глаза Кейт распахнулись, и она резко села в постели. Опять тот же сон. Он повторялся уже три недели, в первый раз – сразу после вечеринки в честь ее дня рождения.

Ей не хотелось сейчас вспоминать о том вечере. Вместо этого она потянулась, выглянула в окно и заметила, что солнце высоко в небе.

Уже полдень? Что я делаю в кровати?

Окончательно придя в себя, Кейт вспомнила труп на берегу.

Мне снилась мертвая женщина, которую только что выбросило на берег возле дома моих родителей.

Кейт закрыла глаза, вздрогнула и зарылась лицом в подушки. Как будто вернулась в детство, когда достаточно закрыть глаза, чтобы забыть о самых болезненных воспоминаниях. И услышала доносящиеся с кухни голоса. Это ее родители, Фред и Беверли, и Джонни Страттон.

Женщина натянула через голову толстовку и прошла по коридору на кухню, щурясь от яркого дневного света.

– А вот и моя Кейт, – обрадовался Фред, когда дочь уселась за стол.

– Что, черт побери, произошло? – Кейт кашлянула в рукав.

– Дорогая, ты упала в обморок прямо на берегу.

– Но я же только что проснулась в кровати, – Кейт озадаченно нахмурилась. – Как же так?..

– Мы с Джонни отнесли тебя в дом.

– Вы тащили меня по этим шатким лестницам? – Она ахнула и прикрыла рот ладонью.

– Ничего страшного, ты не слишком тяжелая даже для такого старика, как я, – улыбнулся отец.

– Тем более что тащил в основном я, – вставил Джонни. Послышались смешки. Кейт показалось, что у всех удивительно хорошее настроение, учитывая недавнюю находку – мертвое тело. Даже два мертвых тела. Но затем за столом повисло неловкое молчание, и женщина поняла: вся эта веселость наигранная.

– Значит, все это время я провалялась в отключке? – Кейт попыталась вспомнить, что произошло, но тщетно.

Джонни с Фредом переглянулись.

– Когда мы принесли тебя домой, ты... можно сказать, бредила, – объяснил Фред. – Бормотала всякую чушь. Мать решила, что тебе лучше отдохнуть в постели.

– И давно это было? – Кейт посмотрела на часы над плитой.

Джонни прокашлялся:

– Где-то час назад.

– И вы все еще здесь?

– Дорогая, – Беверли налила Кейт чашку кофе, – Джонни собирается задать тебе несколько вопросов насчет утренней находки на берегу.

Кейт сделала большой глоток, стараясь унять дрожь в руках:

– Что за вопросы?

– Похоже, ты узнала ее, – медленно произнес Джонни. – Но это еще не все. Ты, кажется, знала, что у нее ребенок. Никто из нас не заметил его, пока ты не разодрала ее одежду.

Шериф ждал ответа на свой незаданный вопрос. Кейт посмотрела на него, на родителей, но промолчала.

– Кейт, ты что-то знаешь? – наконец продолжил Джонни. – Ты имеешь к этому какое-то отношение?

Он почесал в затылке и заерзал на стуле.

Кейт оглядела комнату, посмотрела на тех, кого знала всю свою жизнь. Они, как и все в городе, знали: в последнее время ей пришлось нелегко. Она вернулась в родительский дом, потому что у Кевина – ее мужа, с которым она прожила пять лет, – случился роман на стороне. С женщиной гораздо моложе, работающей вместе с ними в редакции газеты. Кейт стошнило бы от такой банальности, если бы эта банальность не разрушила ее мир.

Она бросила Кевина, их общий дом и все, что в нем – за исключением любимого аляскинского маламута, – и вернулась к родителям, чтобы собраться с силами и начать новую жизнь. Об этой грязной истории узнали все. Все слышали – своими или чужими ушами – о громкой ссоре между Кейт, Кевином и его любовницей Валери в баре «Джекпайн» на вечеринке по случаю дня рождения Кейт. После такого события жернова городской мельницы сплетен исправно крутились несколько месяцев.

О чем сейчас спросил ее Джонни?

– Прошу прощения, Джон... Что?

– Я спросил, знаешь ли ты хоть что-нибудь, – ответил Джонни так мягко, что сердце Кейт дрогнуло.

Что она могла ответить? Не могла же она сказать шерифу, что ей снилась женщина, которую выбросило на берег, – это прозвучало бы как признание в сумасшествии. И конечно, Кейт не собиралась рассказывать о том, что произошло на берегу на самом деле: как она смотрела на утопленницу и видела себя. Такое чувство, словно она наткнулась на собственный труп и, что еще ужаснее, на труп своего ребенка.

Она не собиралась рассказывать им, что чуть не умерла от горя при виде милого, тихого, безжизненного младенческого личика. Если бы она не упала в обморок, то наверняка выхватила бы ребенка из рук мертвой женщины и прижала к груди, как любая мать. Нет, лучше никому об этом не говорить.

Но Кейт должна была что-то ответить. Все трое сидели, смотрели на нее и ждали. Она открыла рот и снова закрыла.

– Послушайте, буду с вами предельно честен, – сказал Джонни. – Штрафы за нарушение правил дорожного движения, аресты за вождение в пьяном виде, мелкие правонарушения – на такое я могу закрыть глаза. Но мертвые женщина и ребенок – это совсем другое.

– Джон, ты не можешь всерьез намекать, будто Кейти замешана в этом, – вмешалась Беверли, к большому облегчению дочери.

Теперь у нее есть минутка, чтобы подумать. Какое-то сумасшествие. Как она объяснит, что искала на берегу ребенка, о существовании которого не должна знать?

– Я ни на что не намекаю, – ответил Джонни, пристально наблюдая за Кейт. – Но ты буквально набросилась на утопленницу. Нам пришлось оттаскивать тебя от нее до того, как ты потеряла сознание. Кейт, мои люди займутся расследованием. Если мне нужно знать еще что-то, будет лучше, если я узнаю прямо сейчас. Я на твоей стороне, дорогая. Если ты как-то причастна к этому, если знаешь женщину или видела ее раньше, расскажи мне.

Чтобы все прояснить, – продолжал Джонни. – Ты не даешь здесь официальных показаний. Мы просто старые друзья, которые беседуют на кухне за чашечкой кофе. Ничего из сказанного не будет использовано против тебя. И если тебе что-нибудь известно, говори сейчас. Не хотелось бы узнать неожиданные подробности через несколько дней или даже недель. Но если хочешь связаться с адвокатом, можем сделать все по закону.

Кейт наконец обрела дар речи:

– Мне не нужен адвокат. Если бы я могла вам чем-нибудь помочь, я бы помогла. Но я правда не знаю ничего, кроме того, что видели мы все. Я была дома,

разгадывала кроссворд. И услышала, как залаяла Сэди. Я знала, что папа взял ее утром с собой, и забеспокоилась. Сэди не лает без причины. Поэтому я спустилась на берег посмотреть, все ли в порядке.

Фред улыбнулся дочери.

– И тогда ты увидела утопленницу в первый раз? – поторопил ее Джон.

– Да, в первый раз, – запнулась Кейт. – Раньше никогда ее не видела.

Ложь словно обожгла ей губы.

– А что насчет младенца? – Джонни отхлебнул кофе.

– Не могу толком объяснить. – Кейт покачала головой. – Просто ее рука под подолом выглядела как-то странно. Я увидела... Я заметила... Точно не знаю. Может, выпуклость или что-то в этом роде. Я очень расстроилась. Наверное, интуиция. Я действовала инстинктивно. У меня возникло ощущение, что там есть кто-то еще. Не могу объяснить почему.

По большей части это было правдой. Кейт посмотрела на остальных. Все трое сочувственно покивали ей.

– Вот и все, – закончила она.

Джонни поставил чашку с кофе на стол – словно поставил точку.

– Пока оставим все как есть, – обратился он к Кейт. – Но у меня мертвые женщина и ребенок, которых уже везут в морг, и моя работа – выяснить, кто они и что с ними случилось. Просто чтобы вы знали: мне понадобятся официальные показания от вас обоих – и Кейт, и Фреда, но не прямо сейчас. Сегодня вам и так пришлось нелегко.

– Спасибо, Джон, – Фред похлопал старого друга по спине.

Жизнь в маленьком городке, где вырос и ты сам, и твои родители, и бабушка с дедушкой, имеет свои плюсы, – подумал он.

Фред и Джонни выросли вместе, играли в одной команде Малой бейсбольной лиги, соперничали из-за девочек в средней школе. Живи они в большом городе, Кейт наверняка отвезли бы в полицейский участок и допросили из-за ее странного поведения утром на берегу. Как положено.

- Ладно. Пора в участок - выяснить, не опознали ли труп. Не припомню сообщений о пропавших без вести женщинах и детях в округе, но мы не знаем, откуда она.

Мать Кейт протянула руку через стол и сжала ладонь дочери.

- И еще, Кейт, - обернулся Джонни уже на пороге, - само собой, не уезжай из города.

- То есть у меня проблемы? - Кейт встала. - Seriously, Джон, это просто безумие какое-то. Я упала в обморок при виде трупа и из-за этого теперь не могу уехать из города?

- У тебя нет проблем, - ответил шериф. - Но нам скоро понадобятся твои показания. Если уедешь, следователям это не понравится.

- Но я собиралась на несколько дней в Уортон. - Кейт имела в виду небольшой туристический городок примерно в пятидесяти милях ниже по берегу. - Теперь мне туда нельзя?

- Возьмешь с собой сотовый? - спросил Джонни. Она кивнула. - Тогда можно. Главное, чтобы я знал, где ты.

Кейт отодвинула стул, попрощалась с шерифом и вышла на веранду. Ее гигантский маламут по кличке Аляска следовал за ней по пятам.

- Давай, девочка, - позвала Кейт собаку. - Пойдем прогуляемся.

Они спустились по лестнице на берег.

Забудь об этом. Все закончилось.

Кейт остановилась и уставилась на то место, где они нашли тело, вспоминая вцепившуюся в берег женскую руку. Легкую улыбку на лице утопленницы. Ее ребенка.

Аляска завывала, царапая когтями мокрый песок и увлекая Кейт дальше по берегу к разным интересным штучкам.

* * *

Возвращаясь в участок, Джонни Страттон чувствовал, как сердце бешено колотится в груди. По закону Кейт Грейнджер должна сейчас оказаться на заднем сиденье его патрульной машины. Будь на ее месте кто-нибудь из другой семьи, происшествие на берегу стало бы веской причиной, чтобы как минимум задержать и допросить. Джонни покачал головой. Он слишком много знал. Знал, что Кейт недавно ушла от мужа из-за его измены. Новость облетела весь город. И знал от ее отца, насколько рассеянной, расстроенной и отстраненной была Кейт в последние недели.

А теперь еще эти трупы – молодая красивая женщина и новорожденный... У Джонни едва получалось сформулировать мысли, мелькавшие где-то на самом краешке сознания. Только не Кейт Грейнджер. Он был на ее крестинах. На первом причастии. На свадьбе. Он знал ее отца всю жизнь. Есть ли хоть какая-то вероятность того, что она замешана в этом жутком преступлении? От одной мысли у Джонни во рту появился горький привкус, напоминающий кровь.

Он достал сотовый и набрал номер:

– Доставь в участок Кевина Брэдфорда. Я хочу выяснить, опознает ли этот ублюдох трупы. Нет, я не поверю ему на слово. Нужен детектор лжи. И еще образец его ДНК, чтобы сравнить с ДНК ребенка. Мне наплевать, Говард. Я хочу, чтобы он добровольно прошел эти процедуры. Никакого ордера, никаких адвокатов – ничего такого. Ты понял меня?

Джонни выключил телефон и швырнул на сиденье машины. Он не собирался тратить время на выяснение, замешана в этом дочь его лучшего друга или нет.

Глава 4

Пока Джонни допрашивал уже почти бывшего мужа Кейт, сама Кейт опустила весло в воду и забралась в легкую лодку, стараясь не наступить на тонкое, как бумага, дно. Когда начались проблемы с Кевином, она одно время занялась пробежками, пытаясь сбросить двадцать с лишним фунтов, которые набрала со времен свадьбы, – как будто новое, стройное тело могло решить все проблемы. Но бег приносил удовольствие, только когда она останавливалась. Тогда Кейт занялась греблей, и все стало наоборот – каждый рывок, каждый толчок доставлял потрясающие ощущения. Она не могла насытиться скольжением по водному зеркалу, рывками и толчками продвигаясь вперед. Иногда проводила в уединенной бухте по два-три часа, пока тело попросту не изнемогало. Гребля давала незнакомое ощущение силы и контроля над собой. Не говоря уже о том, что помогала сбросить те самые лишние двадцать фунтов.

А еще это было общением с озером – один на один в низко посаженной лодочке. Кейт нравилась такая близость к воде. Похожее ощущение возникало при плавании на байдарке, но байдарка изматывала, а гребля на лодке – почти медитация. В это время мысли Кейт не перескакивали с последних сплетен о знаменитостях на навязчивую песенку или на особенно жесткую фразу, брошенную на прощание любимым человеком. Кейт приходилось сосредоточиться на самом процессе движения, иначе она оказалась бы лицом в воде. Этот завораживающий ритм – рывок, гребок, толчок – и так снова и снова – освобождал ее ум от посторонних мыслей и убаюкивал ощущением покоя. Сегодня покой ей особенно нужен.

Она сунула босые ноги в привинченные к опорной доске ботинки, опустила весла в воду и оттолкнулась одним из них от причала.

Ноги согнуты, руки вытянуты, весла отведены как можно дальше, лопасти готовы войти в воду под нужным углом. Какое-то время Кейт сидела неподвижно, чувствуя, как лодка колыхнется и покачивается, дыша в такт сердцебиению воды. Когда она и озеро задышали в унисон, Кейт нашла точку идеального равновесия. Затем резко оттолкнулась ногами, одновременно подтягивая весла к груди, и, ударив лопастями по водной поверхности, вернулась в исходное положение. И снова, и снова. Ритмичность, монотонность движений, чувство единения с озером гипнотизировали ее.

Воспоминания об утренних событиях уносились прочь по водной глади. Теперь она не боялась, потому что здесь, на озере, как и всегда, чувствовала себя в большей безопасности. Она заметила оленя, пробиравшегося к берегу, чтобы напиться. Кейт надеялась, что, проплывая мимо, не слишком его напугает. Кажется, он не заметил ее. Гребя, Кейт каждый раз видела диких животных – еще и поэтому она обожала этот вид спорта. Добравшись до края бухты – туда, где вода стекала в озерные просторы, – женщина на мгновение остановилась перевести дыхание, прежде чем развернуть лодку неуклюжим круговым движением весла. Это движение всегда напоминало ей трепыхание перевернутого на спину краба.

Кейт снова подняла весла, теперь более медленно и ритмично. Она не торопилась возвращаться на причал, ей нравилось быть среди воды в такой яркий голубой день. Но вдруг погода загадочным образом переменилась, как часто случалось на этом озере. Из воды начал подниматься мягкий туман. Он оседал прямо над поверхностью, словно облако, отчего пейзаж казался жутковатым. Пара крикв материализовалась из тумана и поплыла к Кейт. Остров где-то вдалеке словно парил всего в нескольких дюймах над водной гладью.

Она посмотрела вниз и уставилась в воду сквозь туман. От собственного размытого отражения захватывало дух. Темноволосая Кейт... Когда весло скользнуло по поверхности воды, женщина заметила что-то внизу – а может, показалось. Она резко остановила лодку. Что-то всплывало на поверхность, словно ныряльщик из глубины. Рыба? Кейт перегнулась через борт и прищурилась, чтобы лучше рассмотреть. И ахнула, узнав в собственном отражении лицо той мертвой женщины. Их лица выглядели единым целым – только у Кейт глаза открыты, а у незнакомки закрыты. Кейт уставилась в воду: два лица слились в одно.

А потом фиалковые глаза отражения распахнулись, сверля Кейт пристальным взглядом. Рот утопленницы шевелился, как будто она пыталась что-то сказать. Это зрелище так поразило Кейт, что она ахнула, потеряла равновесие, упала лицом вперед и глотнула озерной воды.

* * *

На другом конце города Джонни Страттон беседовал с судмедэкспертом Джанет Грин.

- Значит, утонула? – спросил он.

Джанет кивнула:

- Но это не все. На спине несколько ножевых ранений. Полагаю, кто-то ударил ее ножом и толкнул в воду или она сама упала туда перед смертью.

- Выходит, если бы не упала в воду...

- ...то истекла бы кровью без медицинской помощи. Несомненно, ее убили. И есть еще кое-что.

- И что же?

- Она недавно родила.

- А ребенок?

Джанет вздохнула. С детьми тяжелее всего: требовалось много месяцев, чтобы забыть их лица. А то и дольше.

- В легких нет воды. Ребенок не утонул. Никаких физических повреждений на теле нет.

- То есть родился мертвым или умер вскоре после родов?

- Пока что точно сказать не могу. Хотя если рожает мертвого ребенка, зачем его одевать? На девочке была распашонка.

Глава 5

Грейт-Бэй, 1894

Мари не объяснила никому из соседей, почему спустилась в тот день к озеру перед родами. Решила, что лучше не рассказывать о странной музыке, которую тогда услышала и которая выманила ее на берег. И конечно, не поделилась ни с кем, что само озеро заговорило с ней, пообещав, что только оно сможет уберечь ее ребенка в своих водных объятиях, защитить от страшного тумана. Туман заберет твое дитя, – говорило ей озеро. – Унесет девочку прочь. Когда туман рассеется и солнце снова засияет на берегу, она исчезнет навсегда.

Мари никому не рассказала, как прислушалась к зову озера и подкралась к кромке воды. Как вошла в воду. Вода оказалась теплой и бархатистой, несмотря на холодный воздух, и это успокоило Мари. Поэтому она ступила на мелководье, заходя все дальше и дальше, пока не оказалась по пояс в Великом озере [3 - Великое озеро (англ. Great Lake) – так часто неофициально называют озеро Верхнее (Lake Superior), крупнейший водоем самой масштабной на земном шаре системы пресноводных озер под названием Великие озера (по всем главным водам этого комплекса, за исключением озера Мичиган, проходит граница США и Канады); само слово superior также имеет значения «наибольший», «главный»]. Тогда она легла на спину и поплыла в его объятия. Ее ребенок легко проскользнул в этот мир, как блестящая розовая рыбка.

А потом Мари очнулась в своей постели. Сначала она подумала, что это был сон, пока не увидела столпившихся вокруг обеспокоенных людей, которые всячески ее утешали.

Мари часто ловила себя на том, что вновь и вновь вспоминает давнее семейное предание, которое в детстве рассказывала бабушка, – истории про озеро, духов, проклятия и любовь. Могли они оказаться правдой?

Нет, – сказала себе женщина в то утро и покачала головой, отгоняя эти мысли. После смерти бабушки – Мари тогда была еще маленькой – мать вообще запретила вспоминать старые рассказы, и девочка подчинилась. Она росла, истории постепенно стирались из памяти и в конце концов почти забылись.

Но когда у нее стала подрастать собственная дочь, эти воспоминания не давали Мари покоя. Постепенно она снова начала верить в то, что отвергла много лет назад. Каждый раз, когда она видела Адди в воде, старые истории подступали все ближе. Мари не могла отрицать очевидное: едва дочка научилась передвигаться самостоятельно, она ползла, ковыляла, бежала, спотыкаясь, к озеру. Всякий раз, когда Мари оборачивалась и обнаруживала, что Адди нет, она

точно знала, где ее искать. Однажды ветреным ноябрьским днем, когда Адди было не больше трех, Мари завернулась в шаль и в который раз спустилась к берегу озера, чтобы забрать своенравную дочь. Она ожидала застать девочку за излюбленным занятием – игрой у кромки воды. Но на этот раз Адди почти целиком погрузилась в темные грозные волны. Белые гребни поднимались над ее головой и опадали в такт порывам ветра.

В ноябре озеро, непредсказуемое и свирепое даже в самые благоприятные дни, превращалось в настоящее кладбище для несчастных рыбаков, отваживавшихся выходить в его воды. Говорили, что в ноябре озеро становилось коварным и смертоносным. В безмятежную и спокойную с виду погоду его зеркальные воды манили к отплытию. И все же в любой момент оно было готово поднять чудовищные штормы с ветром, мокрым снегом и градом, которые хватали и пожирали даже самые большие суда, опрометчиво покинувшие безопасную гавань. И действительно, в этот смертельный месяц несколько огромных стальных танкеров в одно мгновение оказались на дне со всем экипажем.

В тот ноябрьский день Мари сорвала с себя шаль и бросилась в волны навстречу дочери.

– Адди! – воскликнула она, подхватывая девочку на руки. – Ты же утонешь! О чем ты только думала?

– Мам, я же просто играла, – протестовала Адди, явно не понимая, из-за чего такой шум. Вернувшись на берег, Мари закутала крошку-дочь в шаль и ощутила, что тельце девочки излучает тепло. Как будто она сидела в горячей ванне.

Мари поспешила вверх по холму к дому с ребенком на руках, надеясь, что соседи не заметили этого странного зрелища. Богобоязненные горожане не отличались терпимостью к тем, кто на них непохож, – а особенно ко всяким странным потусторонним вещам. Впрочем, ее соседи, конечно, никогда бы не отвернулись от Мари и ее семьи, как люди когда-то отвернулись от бабушки, когда Мари была еще маленькой. Прошлое не повторится. Точно не здесь.

Но осторожность не помешает. Мари делала все, чтобы скрыть странности Адди. Было очевидно, что девочка любила плескаться и плавать в воде в любую погоду, – это заметил бы даже слепой. Пока другие купальщики даже в самые жаркие августовские дни вопили, что холодная вода обжигает кожу, в том

месте, где плавала Адди, озеро всегда было шелковистым и теплым. Девочка плавала на спине и наблюдала, как люди собирались с духом на берегу, бросались в волны и, хохоча, выпрыгивали на поверхность. С точки зрения Адди, они были просто сумасшедшими, потому что вели себя очень странно. А горожане качали головами, не зная, что и думать об этой девочке.

Но Мари каждый раз отшучивалась.

– Моя Адди обожает воду, – качала головой женщина. – Это и неудивительно, раз она родилась в воде, правда?

По мнению жителей Грейт-Бэя, это было логично. Они считали, что иммунитет Адди к холодной воде как-то связан с обстоятельствами ее рождения. Никто из них не задумывался, как такое вообще возможно.

И никто не задумывался, почему в сетях у Маркуса, мужа Мари, всегда оказывался самый крупный улов, почему рыбные косяки словно сами тянулись к нему и почему он никогда не оказывался на волоске от смерти, хотя другие каждый день рисковали жизнью и здоровьем. Все просто считали Маркуса превосходным рыбаком и прирожденным моряком. Мари тоже так считала – пока не родила Адди и не вспомнила старые предания.

Когда Адди было пять лет, к ним заглянул Джесс Стюарт. Адди играла на заднем дворе под выстиранными белыми простынями, развешанными матерью на веревке. Ей нравился их запах: от них веяло озерной свежестью. Десятилетний Джесс приподнял одну из простыней и посмотрел на девочку, сидящую под лучами летнего солнца.

– Я ждала тебя, – сказала Адди. Это был их первый разговор.

– Знаю, – ответил мальчик. – Я тоже тебя ждал. Пойдем порыбачим?

Девочка встала и взяла его за руку. Их ладони соприкоснулись, и маленькая Адди поняла, что проведет с этим мальчиком всю жизнь. Когда их пальцы впервые переплелись, показалось, что прошли годы, – целая жизнь промелькнула у нее перед глазами. В одно мгновение Адди увидела будущее – так у некоторых проносится вся жизнь в момент смерти. Она увидела велосипед, письма на столике в своей комнате, свадьбу среди снега. Увидела их сплетенные

руки. Почувствовала любовь. Увидела ребенка в слезах. Услышала строгий предостерегающий женский голос. Увидела кричащих мужчин и услышала выстрел, который отозвался эхом в глубине души. А потом увидела озеро – большое, внушительное, успокаивающее. Девочка не знала, что и думать, ведь ей всего пять. Все произошло слишком быстро, в один миг.

И все. День снова стал обычным. Цикады стрекотали, как и раньше, солнце светило так же, небо было прежнего цвета – голубое, как яйцо малиновки. Но когда она посмотрела в глаза Джессу Стюарту, а он взглянул на нее в ответ, Адди поняла: что-то изменилось. Ведь они уже прожили вместе целую жизнь.

Хотя Адди тогда этого не знала и никогда не узнала, Джесс почувствовал то же самое – в тот миг, когда они впервые взяли за руки. Но перед его глазами пронеслись куда более тревожные картины, чем те, которые увидела маленькая девочка. Он выбросил их из головы и повел Адди в жизнь, уготованную им судьбой.

Мари заметила, что происходит между двумя детьми, и ничуть не удивилась, когда в первое школьное утро Адди открыла дверь и обнаружила там Джесса Стюарта – умытого и готового к торжественному дню. Его всегда непослушные волосы были аккуратно причесаны.

– Я решил проводить Адди в школу, – заявил мальчик. – Помогу ей освоиться, объясню, что к чему. А после уроков приведу домой.

Мари скрестила руки на груди, прищурилась и смерила мальчика взглядом с головы до ног.

– Все будет хорошо, миссис Кассатт, – заверил Джесс. – Я присмотрю за ней.

Мари вспомнила утро рождения Адди: именно Джесс тогда нашел ее. Она кивнула, понимая, что бессильна перед маховиком судьбы, запущенным в тот день пять лет назад [4 - В США дети начинают посещать школу в основном с пяти-шести лет.].

– Только после школы сразу домой, слышишь? – предупредила его Мари, погрозив пальцем. – Я не хочу волноваться за вас.

Но, наблюдая, как ее дочь идет по дорожке рука об руку с Джессом Стюартом, Мари поняла: ей нечего бояться.

И тогда она вспомнила про книгу.

Глава 6

Когда Кейт и Аляска добрались до Уортона – крошечного портового городка в часе езды по побережью от ее дома, уже наступила ночь. Уортон, известный в первую очередь своеобразной атмосферой в духе Новой Англии и потрясающими видами на прибрежные острова, являлся пристанищем для дорогих яхт, небольших картинных галерей с работами местных мастеров, изысканных ресторанчиков и разных семейных предприятий – вроде лавочек с мороженым или копченой рыбой, придававших городку особый шарм. Из всех приозерных мест именно Уортон стал туристической Меккой. Но Кейт он нравился совсем не поэтому. Для нее и многих других местных жителей, знавших его историю, Уортон был волшебным местом.

Его основали в глуши, вдали от других поселений в 1700-х годах, когда охотники за пушниной, миссионеры, исследователи, а потом и солидные бизнесмены по достоинству оценили удивительно мягкий здешний климат и теплые ветра. Улица за улицей застраивались величественными особняками с огромными верандами, ухоженными газонами и цветущими садами. Хотя в этих суровых северных краях большую часть года стояла зима, в Уортоне было так тепло, что росли магнолии.

Одни ученые предполагали, что такое аномальное тепло связано со скалистыми грядками, окружавшими город с трех сторон. Другие утверждали, что все это из-за прибрежных островов, защищавших Уортон от ледяных ветров со стороны озера. Легенды гласили, что такой климат – благословение, дарованное Уортону духом самого озера, потому что именно здесь он нашел свою настоящую любовь столетия назад. Но в наше время люди не слишком задумываются о всякой мифической чепухе. Климат теплый – ну и хорошо. Именно он привлекал туристов.

Многие большие старинные здания Уортона превратились в отели по системе «постель – завтрак». Они обслуживали туристов, которые приезжали купить картины местных художников, прокатиться на байдарках или на пароме к островам или отправиться в высеченные в скалистых утесах «морские пещеры». Или просто побродить по городу рука об руку с любимой, восхищаясь очаровательной романтикой глуши. Туристы говорили, что городок дарит ни с чем не сравнимое ощущение покоя. Поэтому Кейт часто приезжала сюда.

Когда она приехала, летний туристический сезон подходил к концу из-за похолодания. Не то чтобы Уортон становился безлюдным с наступлением зимы – наоборот, необычайно теплый климат города привлекал людей круглый год. И хотя туристы зимой не могли наслаждаться водными развлечениями, они заполняли отели, чтобы провести в тиши выходные, подолгу гулять в относительно теплую погоду или часами сидеть на воздухе, закутавшись в плед с книгой и бокалом вина, благодаря природе за то, что она даровала им передышку от суровой зимы, которая царила за пределами городка, но почему-то не проникала внутрь.

Кейт любила это необычное местечко. По замыслу архитекторов в Уортоне не было зданий выше двух этажей, кроме выстроившихся рядами величественных старинных особняков. Туристы всегда удивлялись, не находя здесь ни ресторанов быстрого питания, ни больших универмагов, ни дискаунтеров, ни торговых центров. Многие маленькие населенные пункты превратились в города-призраки, но в центре Уортона кипела жизнь. Горожане ходили к семейному врачу в кабинет на Мейн-стрит и за рецептами в аптеку, расположенную через два дома. Покупали всякую всячину – от лампочек до средств для мытья окон – в скобяной лавке Фрэнка, которой уже три поколения владела и управляла одна семья. Покупали свежую снедь на рынке через дорогу, обменивались городскими сплетнями в закусочной и сидели в кофейне. Все эти заведения располагались в пределах трех кварталов друг от друга.

Множество картинных галерей и лавочек были рассчитаны в основном на туристов. Зато и приезжие, и местные обожали рестораны, которые приняли первых пришедших на ужин гостей как раз тогда, когда Кейт прибыла в город. Она проехала мимо итальянского ресторана «Антонио». Чуть дальше располагался «Фламинго» – эклектичное местечко с длинной барной стойкой из красного дерева, где подавали хорошее вино и свежесваренное пиво. Там же имелась американская кухня – большие порции салатов и гамбургеры. Кейт увидела, что у причала собралась целая толпа: в ресторане на воде можно

отведать местные деликатесы – озерную форель, дикий рис и корнуэльский пирог. К тому же там лучший в городке вид на озеро.

Кейт свернула с главной улицы и направилась вверх по холму к пункту назначения – одному из самых величественных старинных зданий в городе. Построенное больше столетия назад, оно изначально служило домом Гаррисону Коннору – молодому миллионеру, заработавшему капитал своим трудом. Он был достаточно сообразителен, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время во время бума судоходства в начале прошлого века. Каждый раз, приезжая сюда, Кейт вспоминала историю этих мест. Что неудивительно; в конце концов, это история и ее семьи.

Она знала, что роскошная жизнь Гаррисона в Уортоне очень отличалась от его прошлого. Гаррисон вырос на ферме. Его отец, немецкий иммигрант Клаус, построил ее только благодаря своей силе духа на каменистом, продуваемом всеми ветрами поле недалеко от границы Северной и Южной Дакоты. Его угодья не могли похвастаться плодородной почвой, превратившей эти края в мировую житницу, и не годились для пшеницы и подсолнухов, которые он пытался выращивать. Зато Клаус был единоличным хозяином фермы и нескольких коров, кур и свиней.

Чтобы выжить на суровых пустынных равнинах, приходилось постоянно бороться за жизнь в любое время года. Летний зной становился сущим наказанием для фермеров: в полях ни одного деревца, чтобы укрыться в тени. Зимой суровые ветра поднимали метели, которые сбивали с пути, слепили и пожирали даже тех, кто знал эти места как свои пять пальцев. Когда Клаусу исполнилось тридцать, он выглядел на несколько десятков лет старше. Его воля закалилась в ежедневной изнуряющей борьбе с природой. Гаррисон, которого называли так в честь дедушки-англичанина со стороны матери, знал, что не задержится на ферме надолго. Когда по вечерам он заканчивал кормить лошадей и чистить стойла, то падал в свежую солому на чердаке и открывал школьные учебники. Образование – единственный шанс вырваться из той отвратительной жизни, которая уготована его отцу. Поэтому мальчик с рвением погрузился в учебу. Сегодня вечером его ждал Шекспир.

Его мать Глория была на своем обычном месте – на кухне перед кипящими на плите кастрюлями. Она нередко беседовала с сыном об его школьных занятиях, книгах, литературе и истории – о том, что они оба любили.

Глория была полна решимости дать сыну достойное образование и потому много лет назад заключила с мужем соглашение, которое, как она прекрасно знала, не суждено исполнить, потому что это обман. Глория пообещала мужу: пока мальчик учится, он помогает по хозяйству по мере сил, а когда закончит школу, будет работать на ферме целый день. Она лгала, чтобы отсрочить неизбежный взрыв гнева, который случится, когда раскроются истинные намерения Гаррисона и мечты Глории.

Однажды вечером, вскоре после того как сын окончил среднюю школу, Клаус вернулся с поля и обнаружил Гаррисона на кухне с чемоданом. Сын уезжал в университет, как и планировала мать. Громадина Клаус набросился на сына, нанося удар за ударом. В чувство его привела жена, которая прекратила избиение, схватив висевшее над камином ружье мужа и сделав два выстрела в воздух. Глория была готова стрелять на поражение. К счастью для Клауса, это не потребовалось. В тот вечер Гаррисон покинул ферму и больше никогда не возвращался.

Он выучился в университете в большом городе всего в нескольких сотнях миль от дома, хотя юноше казалось, что их разделяет целый мир. Получил степень по бизнесу и сразу после университета устроился в крупную местную судоходную компанию «Кэнби Лайнс», которая перевозила зерно (часть которого – так уж совпало – выращивал его родной отец) по Великим озерам.

Очень скоро обаяние Гаррисона, приятная наружность, деловая хватка и, как сказали бы некоторые, тщательно отточенные навыки манипулирования и обмана сделали его президентом компании. Теперь он подчинялся только Джеймсу Кэнби – вдовцу, который основал компанию и не так давно взял молодого Гаррисона под крыло. Не повредило и то, что Гаррисон ухаживал за дочерью Кэнби Селестой – некрасивой, застенчивой девушкой, которая никогда не привлекала внимание противоположного пола. С благословения Кэнби Гаррисон предложил Селесте руку и сердце, тем самым укрепив в компании свое положение «престолонаследника».

Это был брак по расчету – тщательному расчету. Гаррисону он был необходим, чтобы выжить, не более того. Гаррисон сделал бы что угодно, лишь бы не возвращаться на ферму. Не то чтобы ему всерьез угрожала такая перспектива, учитывая его образование и опыт в бизнесе. Лишись он нынешней работы, легко нашел бы другую, не доходя до такой крайности, как женитьба на дочери босса. Однако детские годы Гаррисона оставили в его душе такие рубцы, которые не

сотрешь доводами рассудка. Поэтому когда он понял, что надежно обеспечить себя можно, только заискивая перед Кэнби и женившись на Селесте, то сразу пошел этим простым путем.

Вскоре после того как молодая пара вернулась из проведенного в Европе медового месяца, с Кэнби прямо на работе случился обширный инсульт. Гаррисон и Селеста были с ним до конца. Последние слова Кэнби были обращены к своему молодому протеже:

- Позаботься о ней, - прошептал он.

- Непременно, сэр, - пообещал Гаррисон. И старик испустил дух.

Гаррисон сдержал слово. Неважно, что он не любит Селесту, - он перед ней в долгу. Благодаря этому браку компания ее отца теперь принадлежала ему. Теперь Гаррисон не только не испытывал больше иррациональный страх вернуться к жизни на ферме (ему часто снился кошмар, что он превратился в своего отца - немецкий акцент и все такое), но и стал первым миллионером в роду как по отцовской, так и по материнской линии. Он начал посылать матери деньги каждый месяц - до самой ее смерти. Глория умерла через пятнадцать лет после мужа, который скончался в поле от сердечного приступа. Эти последние годы стали чуть ли не самыми счастливыми в ее жизни - сравниться с ними могли лишь первые несколько лет брака с неунывающим решительным молодым иммигрантом, которого выбранная им для возделывания земля еще не превратила в озлобленного и угрюмого человека.

Гаррисон всегда улыбался при мысли, что Глория умерла, стуча каблуками на городских танцах. Мать продала ферму сразу после смерти Клауса и перебралась в небольшую квартиру в городе. Оклеила ее обоями с яркими цветами и веселыми полосатыми узорами, которые муж никогда бы не разрешил в их прежнем доме. Она больше не выходила замуж - зачем выслушивать чьи-то жалобы на то, что она не так постирала чулки? - и вместо этого каждое воскресное утро играла на органе в белой деревянной церкви, добровольно помогала в продаже выпечки, сборе денег и других церковных делах. А еще организовывала городские танцы, которые проходили в спортзале средней школы вечером по субботам. Именно там, танцуя с молодым человеком, годившимся ей в сыновья, она отошла в мир иной.

Глория умерла с улыбкой. Люди думали, что та застыла на лице женщины, потому что она чудесно проводила время, танцуя, и это было правдой. Но Глория Коннор улыбалась еще и потому, что в момент смерти там, на другой стороне, ее встретил снова молодой и энергичный Клаус, взял за руку и закружил со словами:

– Я так хорошо провел эти последние пятнадцать лет, наблюдая за тобой, Глория. Ты умела жить по-настоящему. Жаль, я не последовал твоему примеру. Начнем новую жизнь вместе?

Тем временем Гаррисон с той же решимостью, благодаря которой достиг своего высокого поста, обеспечивал Селесте счастливую жизнь. Она это заслужила. Еще в молодости Гаррисон Коннор выстроил в Уортоне огромный дом в викторианском стиле на высоком холме с видом на гавань. Его главной особенностью стала просторная веранда, опоясывающая здание с трех сторон. Гаррисона часто видели прогуливающимся по веранде с подозрительной трубой в руке, наблюдающим, как его флотилия движется к месту назначения.

Гаррисон мог бы построить дом для Селесты в городе побольше, но он выбрал Уортон по той же причине, почему туда тянуло многих других людей: из-за необычайно теплых ветров. Селеста так и не оправилась полностью от тяжелого гриппа сразу после похорон отца, и муж решил, что теплый климат Уортона пойдет ей на пользу. Но ошибся.

Здоровье Селесты оставалось слабым большую часть ее жизни, особенно после рождения их единственной оставшейся в живых дочери Хэдли. До рождения девочки Гаррисон и Селеста водили знакомство со многими молодыми парами Уортона, развлекали гостей, устраивали званые обеды и в целом были довольно общительны, как и подобало положению Гаррисона – крупнейшего работодателя в городке. Но после рождения ребенка все прекратилось. Беременность протекала трудно и изматывающе, у Селесты не осталось сил и энергии на развлечения. К тому же у нее начались проблемы с психикой, о чем знал только муж. После рождения первенца ее охватило какое-то безумие. Она так и не оправилась до конца. Казалось, в мозгу Селесты явь и вымысел стали единым целым, и она не могла отличить одно от другого.

Но Гаррисон много лет назад дал обещание ее отцу и не собирался его нарушать. На публике он выглядел беззаветно преданным жене, несмотря на ее болезнь. Соседи часто замечали, как он расхаживает по веранде, толкая Селесту

в кресле-каталке и указывая то на одно, то на другое судно на горизонте. Нередко они вдвоем сидели на веранде на качелях, закутавшись в плед: он читал ей вслух, а она клала голову ему на плечо. Хотя в городе ходило много сплетен о других богатых мужчинах и их любовницах, Гаррисон не давал ни малейшего повода заподозрить себя в связи ни с кем из полудюжины горничных, которые поддерживали порядок в доме Коннора, – медные ручки начищены до блеска, деревянные панели сияют, ребенок одет, накормлен, сопровождается в школу и из школы. А какие чувства Гаррисон испытывал к Селесте на самом деле, знал только он сам.

Жена умерла, когда Хэдли была совсем крошкой. Несмотря на врачебное заключение, что у Селесты просто отказало сердце, слухи о наркомании и передозировке лекарств распространились по городку со скоростью лесного пожара. После смерти жены Гаррисон впервые в жизни занялся тем, что действительно было ему по душе. Вместо женитьбы на любой из множества одиноких горожанок, готовых продать душу, чтобы стать его супругой, он уделял все внимание самому любимому человеку на свете – Хэдли.

Пикники, вечеринки на яхтах, ходьба на снегоступах зимой, верховая езда, пешие прогулки по берегу, гребля на каноэ... Жители городка, то и дело наблюдавшие, как Гаррисон и Хэдли вместе выходят из дома, недоумевали, почему они сами в обществе своих родных не испытывают такое же удовольствие, какое явно испытывает Коннор.

Если успех ребенка – показатель того, насколько хорошо родитель выполнял свои обязанности, то Гаррисон Коннор заслужил высших наград. Хэдли выросла в прелестную молодую женщину. Закончила школу, поступила в университет (в те времена девушки редко получали такое образование) и жила счастливо. Кареглазая красавица вышла замуж за мужчину по имени Малькольм Грейнджер. У них родилось двое детей, Фред и Гарри. У Фреда, в свою очередь, родилась дочь Кейт, которая сейчас приближалась к подъездной дорожке бывшего дома своего прадеда.

Теперь в доме Гаррисона размещался фешенебельный отель по системе «постель – завтрак» с шикарным рестораном и уютным винным баром – когда-то на его месте располагалась домашняя библиотека. Помещение с панелями из темного дерева и книжными полками от пола до потолка, кожаными креслами и мраморными столешницами было излюбленным местом и для туристов, и для местных жителей. Кейт особенно нравилось приезжать сюда потому, что этот

дом – часть их семейной истории. Фотографии Гаррисона, Селесты и Хэдли по-прежнему висели на стенах, а большинство книг в библиотеке когда-то принадлежало им. Тщательно восстановленный, особняк стал почти таким же, как при Гаррисоне.

Этот дом всегда принадлежал семье Конноров. Хэдли и ее муж Малькольм вернулись в Уортон, чтобы ухаживать за пожилым Гаррисоном. Хэдли души не чаяла в отце и отблагодарила его за любовь и привязанность, которые он щедро дарил ей в детстве: почтительно и заботливо (как и подобает обожаемой отцом дочери) ухаживала за стариком до самой его кончины. После его смерти дом и семейный капитал перешли к ней. Сама Хэдли дожила до девяноста лет. В последние годы за ней ухаживал ее внук Саймон – кузен Кейт, сын Гарри – сына Хэдли. Когда Хэдли умерла во сне, ее любимый дом перешел к Саймону в знак признательности за нежную заботу о бабушке.

Саймон и его компаньон Джонатан занялись восстановлением этого огромного здания – буквально дюйм за дюймом. Каждый светильник, дверная ручка, половица были подлинными или, как любил говаривать Саймон, чертовски хорошей подделкой. Большая часть мебели и аксессуаров тоже были подлинными (отреставрированными, разумеется), а та мебель, что не являлась антиквариатом, гармонично сочетала старый и новый стиль. Пока невосстановленным оставался только третий этаж – там когда-то располагался бальный зал. Саймон планировал заняться им зимой, когда закончится туристический сезон.

Великолепный декор вкупе с высококлассным рестораном сделали этот отель самым популярным в городке: за привилегию провести ночь под его тщательно восстановленной крышей платили большие деньги. Впрочем, у Саймона имелось неписаное правило: близким родственникам – бесплатно.

– Это дом наших прапрадедушки и бабушки, – говорил он Кейт. – Ты имеешь такое же право быть здесь, как и я. С какой стати тебе платить за проживание? Никаких денег, пожалуйста.

Однако Кейт не слишком часто пользовалась этим щедрым предложением. Они с Кевином провели тут медовый месяц и несколько раз в год приезжали и останавливались в одном из люксов с джакузи на ночь-другую в межсезонье – просто потому, что здесь очень романтично.

Каждый раз, когда Кейт проходила через огромную деревянную парадную дверь, ее бросало в дрожь: в атмосфере дома чувствовался дух истории, и Кейт ощущала прямую, неразрывную связь с семейным прошлым. Фотографии на стенах словно преследовали ее: молодые, энергичные, счастливые люди улыбались в блаженном неведении, не подозревая, что когда-нибудь их правнучка будет рассматривать эти снимки, а сами они уже будут лежать в могилах.

Приезжая сюда, Кейт всегда представляла себе молодых супругов Гаррисона и Селесту. Видела, как их дочь родилась, выросла и умерла здесь. Кейт нравилось ходить по тем же коридорам, спать в тех же комнатах, есть за тем же столом, как и давным-давно ее предки. Она ощущала быстротечность жизни, пролетающей, словно в один миг. Казалось, еще минуту назад здесь сидела Селеста, беседуя за ужином с дочкой и наслаждаясь прекрасным видом на гавань. Столетие пронеслось в мгновение ока – и теперь черед Кейт любоваться тем же видом. Здесь она чувствовала близость к далеким предкам, как будто они по-прежнему обитали здесь, живя прежней жизнью совсем рядом, за невидимым барьером, который у Кейт почти – но не до конца – получалось преодолеть. Казалось, стоит задержать дыхание и застыть на месте, как заметишь следы присутствия. Она не знала, что их духи, как и духи других людей, в самом деле бродили по залам, сидели за столами и витали над гостями в столовой, не в силах или не желая покинуть этот великолепный дом ради загробного мира.

Сегодня Саймон встречал ее в дверях.

– Наконец-то! – Он стиснул Кейт в медвежьих объятиях. Аляска тем временем прошмыгнула внутрь. Они долго стояли в обнимку, потом Саймон шепнул:

– Ты как?

– Я в порядке, – ответила Кейт, зная, что его не проведешь.

– Да уж, держу пари. – Он отодвинулся и оглядел ее, прищурившись. – Люди всегда в порядке, когда их мир рухнул. А теперь – в бар. Там расскажешь все. У меня есть бутылка вина с твоим именем на этикетке. С меня – вино, с тебя – рассказ.

Глава 7

Услышав, что произошло между Кейт и ее мужем, Саймон наморщил нос:

– Ты что-то скрываешь. Я сразу это почувствовал. Выкладывай все.

Каким-то таинственным образом Саймон всегда все знал. Что-то скрывать от него было бесполезно.

– Хорошо, расскажу. Но ты наверняка сочтешь это очень странным.

– Станным в каком смысле?

Она заерзала на стуле:

– Станным в смысле «Кейт явно нужна смирительная рубашка».

– Звучит не так уж плохо. – Саймон приподнял брови и подался вперед. – Итак, в чем дело?

Кейт глубоко вздохнула, не зная, сможет ли она произнести это вслух.

– Дело в том, что со мной происходит что-то непонятное.

– Ну, чего ты тянешь? – Саймон повторно налил ей бокал. – Я же вижу, ты сама хочешь поговорить об этом, – так не мешкай. Неужели все совсем ужасно?

– Дело в том, что мне в последнее время снятся странные сны.

Кейт выдохнула, и вся история выплеснулась из нее одним долгим непрерывным потоком. Что за последние три недели ей не раз привиделась женщина, чье тело выбросило на берег рядом с родительским домом, что Кейт почему-то знала, что в складках одежды утопленницы спрятан ребенок.

Кейт впервые рассказала о странных событиях последних недель кому-то другому. Теперь ее переживания стали осязаемыми, а слова обрели смысл и превратились в нечто большее, чем просто видения в голове.

– Ну? Что скажешь? – поинтересовалась она.

– И почему со мной не происходит ничего такого? – посетовал Саймон. – Покойники совершенно не желают со мной общаться – по-моему, это крайне оскорбительно.

Кейт расхохоталась:

– Может, дело в покойниках, а может, я просто сошла с ума, что вполне вероятно.

– Все это странно, не спорю, – сказал Саймон. – Тебе постоянно снится чужая женщина. Во сне ты видишь в зеркале ее лицо вместо своего. Во сне ты, по сути, становишься ею. Значит, это очень личные видения, так?

– Верно. У меня именно такое ощущение: это очень личное. Ты прав – я как будто становлюсь ею. Или она – мной. Во сне мы один и тот же человек.

– Ты точно уверена, что видела во сне именно ту женщину, труп которой нашли на берегу?

Кейт кивнула:

– Абсолютно. Это она, несомненно.

– Известно, когда и как она умерла? – задумался вслух Саймон. – Раз она была в озере, значит, утонула?

– Я не знаю. – Кейт вздрогнула, произнеся это. Спину обдало жаром. – Джонни Страттон ведет расследование.

Она уставилась в окно, взглянула в сторону гавани и мысленно вскрикнула: ей показалось, что она увидела красивое безмятежное лицо женщины из сна,

проступающее сквозь суровые, мертвые, безжизненные черты того же самого лица на берегу.

– Джонни уже, можно сказать, допросил меня в связи с этим происшествием, – продолжила Кейт.

Саймон поморщился:

– Почему он решил тебя допросить?

– Я не очень адекватно отреагировала, увидев труп, – призналась Кейт. – Он подумал, мне что-то известно.

Саймон потянулся через стол и взял ее за руку:

– Ты же не рассказала ему о своих снах?

Женщина покачала головой:

– Никому не говорила, кроме тебя. Уверена, Джонни считает меня замешанной в этом. Понятия не имею, что сказать, когда он начнет задавать новые вопросы.

– Эх, если бы ты только знала, кто она такая... – вздохнул Саймон, глядя в окно.

Тут вошла Аляска с поводком в зубах.

– Похоже, тебя собираются выгуливать, – хихикнул Саймон.

Кейт встала и потянулась:

– Буду только рада немного поразмяться. Не хочешь со мной?

Через несколько минут они уже шагали по темным улицам Уортона. В воздухе витала осень. Холодок приятно освежал Кейт.

Они немного поболтали о том о сем – о родителях, о том, как идут дела в отеле, но потом снова вернулись к телу на берегу, как будто утопленница звала их.

– Я хочу узнать, кто она и кто ее убил, но понятия не имею, с чего начать, – сказала Кейт. – Чтобы начать расследование, нужно хоть что-то знать о ней.

– Для начала постарайся заметить во сне какую-нибудь подсказку, – посоветовал Саймон. – Наверное, тебе снится реальный человек, раз тело нашли на берегу.

Глава 8

Грейт-Бэй, 1901

Адди и Джесс стали неразлучны. Вместе бегали по полям и рыбачили в известных только им потайных местах. Адди часто плавала на большой воде, пока Джесс сидел на берегу и читал, удивляясь, как эта глупая девчонка может так долго плескаться в ледяной воде. Они говорили о школе, родителях, других детях, делились друг с другом секретами, как брат и сестра. Это была такая идиллия, что Джесс позабыл о мрачных картинах, которые увидел, впервые коснувшись руки Адди много лет назад. Они окончательно улетучились в один особенно прекрасный летний день. Небо ослепляло голубизной, солнце припекало сквозь накрахмаленную белую рубашку, легкий ветерок приносил запах сирени, хотя сама сирень давно увяла. Все могло бы сложиться иначе, помни Джесс о том предупреждении. Но он позабыл обо всем, наслаждаясь сиреневым ветерком.

В тот прекрасный летний день Адди было двенадцать. Они с Джессом пробирались через пригородный лесок к своему потайному убежищу – Вдовьей бухте. Небольшая бухта под высоким утесом. Попасть туда можно только по тропинке через густой подлесок. Адди обнаружила ее год назад, когда шла по лесу за черным волком. Ей так и не удалось убедить Джесса, что все произошло на самом деле: волки в этих местах не водились. Юноша не раз повторял, что никто никогда не видел черных волков ни в Грейт-Бэе, ни в окрестностях, но Адди настаивала на своем. Как бы она нашла эту бухту без волка?

Адди представляла, как в бухту приходили жены, чтобы оплакивать погибших на Великом озере мужей, – настолько уединенным и скрытым от посторонних глаз было это место. Джесс не знал, что и думать, но не мог не признать: ему очень нравилось приходить сюда. Это давало возможность побыть наедине с Адди подальше от любопытных чужих взглядов.

В тот день Адди и Джесс лежали бок о бок на одном из огромных плоских камней на мелководье у берега. Солнце припекало им спины. Адди могла бы легко дотянуться до прохладной нефритовой поверхности воды кончиками пальцев.

Джесс был гораздо взрослее Адди – ему исполнилось семнадцать. В поселке уже сплетничали, как много времени эти двое проводят вместе. Дошло до того, что горожане не видели их поодиночке. Разве у него нет на примете ровесниц? Не пора ли ему начать присматривать себе невесту? И хотя друзья Джесса знали, что лучше не дразнить его из-за маленькой девчонки, которая постоянно путалась под ногами, про себя они удивлялись, почему он не интересуется сверстницами – из школы, например. Джесс играл в бейсбол и отлично учился. Он превратился в весьма красивого юношу с каштановыми кудрями и темно-кариими глазами. Друзья знали, что он мог бы встречаться с любой девушкой в поселке, – так почему же он не делает этого?

Но, с точки зрения Джесса, встречаться с кем-то, кроме Адди, означало пустую трату времени. Он был готов ждать, когда она вырастет, с той самой минуты, когда увидел ее в озере в день ее появления на свет. Джесс, как и Адди, сразу понял: им суждено быть вместе. Они созданы друг для друга.

Они лежали на камнях. Адди перекатилась на бок, провела рукой по поверхности прохладной воды и взглянула на свое отражение – расплывчатое, движущееся, мерцающее, искаженное. Жизнь менялась так же, как изменялось и двигалось это отражение в воде.

– В конце недели уезжаю в университет, – сообщил Джесс, уставившись вдаль – на озеро, на горизонт.

– Знаю, – отозвалась Адди, не переставая рисовать пальцем узоры на воде. Солнце согревало девочку.

– Это не так страшно, как кажется, – добавил Джесс. – Всего несколько часов езды. Буду приезжать на поезде на выходные.

Но Адди знала, что он не сможет приезжать часто, а если и вернется домой, то ненадолго. Его затянет студенческая жизнь, как любого на его месте. Узнает много нового, заведет новые знакомства... И Адди хотелось, чтобы Джесс получил возможность пожить по-другому, испытал новые ощущения. Она не боялась, что он отдалится навсегда, поскольку знала: рано или поздно Джесс обязательно вернется к ней. Она видела это.

– Когда мы были маленькими, ты терпеливо ждал, пока я вырасту и стану твоим другом, – улыбнулась ему Адди. – Это заняло пять лет. Думаю, теперь мне придется ждать тебя не так долго. Не старайся приезжать каждые выходные. Я буду здесь, когда ты вернешься насовсем.

Джесс опустил подбородок на теплый камень, на котором они лежали. Ему понравилась мысль, что Адди будет ждать его, оставаясь такой, как прежде.

– Мы можем писать друг другу, – предложил он.

– Звучит здорово. – Девочка улыбнулась, уже предвкушая новый вид отношений: обмен письмами и сокровенными мыслями вместо лесных походов и разговоров у озера.

– Ты умеешь найти хорошее в любой ситуации, – улыбнулся в ответ юноша. – Как это у тебя получается?

Адди только пожала плечами. Юноша и девочка взглянули вниз на воду, на отражения друг друга.

– Адди, я люблю тебя, – шепнул Джесс ее отражению.

Тогда он впервые произнес эти слова.

– Я тоже люблю тебя, Джесс. – Адди коснулась пальцами обоих отражений, которые расплылись, затанцевали и засверкали. Девочка представила, как они снова будут лежать здесь вместе, когда Джесс наконец вернется из

университета, и задумалась, как к тому времени изменятся их отражения.

Юноша посмотрел вверх: высоко ли в небе солнце.

- Наверное, нам пора. Встретимся после ужина на Уиллоу-стрит?

Адди заметила дьявольский огонек в его глазах и догадалась: он что-то задумал.

- А зачем?

- Увидишь, - Джесс улыбнулся. - Хочу оставить кое-что на память обо мне.

Адди рассмеялась:

- Здесь все будет напоминать о тебе. Озеро, леса, эта бухта, наш поселок, небо...

- Но я хочу добавить кое-что еще, - ответил Джесс.

После ужина Адди вышла из-за угла своего дома на Уиллоу-стрит, названной так в честь большой старой ивы [5 - Англ. willow - ива.], которая стояла посередине соседнего поля. Джесс уже был на месте, держа за руль свой велосипед. У Адди велосипеда не было, и кататься она тоже не умела: ее отец считал это неподходящим для леди занятием и отказался учить. Джесс несколько раз пытался, но у Адди ничего не получалось.

- Сегодня вечером будешь кататься до захода солнца, - заявил Джесс, увидев Адди. - А потом поедешь домой на велосипеде. Дарю.

- Правда?

Юноша улыбнулся:

- Не могу же я взять его с собой в поезд. Теперь он твой.

- Но родители не разрешат мне... - Девочка нахмурилась, живо представив их негодование.

- Скажи им, что я одолжил его тебе на время, пока не вернусь. Попросил присмотреть за ним.

- Ну, не знаю... - Адди скептически посмотрела на хитроумное устройство. - Я не думаю, что...

- Правильно, девочка моя, - рассмеялся Джесс. - Не думай - просто поезжай. А теперь залезай. Мы не остановимся, пока у тебя не получится.

Адди осторожно взялась за руль, задрала юбку и устроилась на сиденье, прочно упершись одной ногой о землю.

- Я буду придерживать тебя, пока не освоишься. - Джесс взялся за сиденье и повел, толкая велосипед вперед. - Поставь обе ноги на педали, - велел он.

- Слишком быстро! - возмутилась Адди.

- Надо именно быстро. - Джесс перешел на бег трусцой. - Так будет легче.

Адди крутила педали и неуверенно рулила вихляющим велосипедом. Как только Джесс отпустил сиденье, она свалилась на обочину. И оглянулась на своего учителя. В ее глазах читалась досада.

- Попробуй еще раз! - Джесс поднял велосипед.

Адди встала и отряхнула юбку:

- Думаю, у меня не получится.

- Нет, получится. Представь, как здорово будет кататься, когда я уеду.

Они попробовали еще раз, и Адди снова упала. И еще раз, и еще, и еще. В окнах соседних домов появились любопытные лица. Потом зрители осмелели:

высунулись на улицу и принялись давать обоим советы:

- Беги быстрее, парень!

- Сиденье слишком высокое для нее!

Джесс в последний раз взялся за велосипед.

- Залезай. Мы покажем им всем, на что ты способна.

Он снова побежал – теперь быстрее, а Адди начала крутить педали и рулить – теперь увереннее. Она не заметила, что Джесс отпустил сиденье, пока не доехала почти до самой ивы.

- Получилось! Я еду! – воскликнула девочка. Толпа зааплодировала. Девочка поехала дальше – по Уиллоу-стрит, по Мейн-стрит, по Поплар-авеню.

Джесс молча стоял, глядя ей вслед. У него все сжалось внутри. Ведь это он должен уехать от нее, а не наоборот.

Глава 9

Когда Кейт с Саймоном поужинали и помыли посуду, по слипающимся векам она поняла, что пора спать, и пригладила волосы:

- Я бы с удовольствием еще поболтала, но глаза сами закрываются.

- Неудивительно, что ты устала, – отозвался Саймон.

- А ты нет?

Он покачал головой.

– Послушай, ты уже несколько недель пытаешься держать себя в руках. Сначала разрыв с Кевином, потом ужасное происшествие с телом этой женщины на берегу. Ты скрывала от всех... – Он цокнул языком и вздохнул. – От такого кто угодно падет духом. А теперь, когда ты все рассказала и знаешь, что не одинока, можно расслабиться. И когда ты наконец сделаешь это, то почувствуешь, как тяжело тебе было держаться. Иначе говоря, ты измотана.

Кейт обняла кузена за талию, положила голову ему на грудь и тоже вздохнула:

– Я так и знала, что не зря приеду сюда.

– Разумеется, не зря. Так, где твоя сумка? Отнесу ее наверх.

– Не стоит... – начала было Кейт, но Саймон оборвал:

– Не валяй дурака. Поднимайся к себе, а я через минуту принесу сумку и горячий чай.

Она слабо улыбнулась.

– Ты так добр ко мне.

– Естественно. – Он ухмыльнулся и подмигнул: – Я же владелец отеля. Это моя обязанность.

После того как Саймон поставил ее багаж на полку, а чай на прикроватную тумбочку и они пожелали друг другу спокойной ночи, Кейт свернулась калачиком под одеялом, поудобнее устроившись на подушках. Открыла книгу, но тут же закрыла: от усталости слова начали сливаться в одно. Кейт сделала большой глоток чая, глядя, как пламя танцует в камине.

Саймон поселил Кейт в ее любимом номере – люксе с огромной кроватью с балдахином и камином у противоположной стены. Специально для предпочитающих современные удобства гостей над камином висел телевизор с плоским экраном, так что можно было по желанию смотреть на экран, на огонь или на то и другое одновременно. В углу находился альков с окнами от пола до потолка с трех сторон. Кейт думала, что это устроено для того, чтобы озерный

бриз продувал комнату в летние деньки. В алькове стояли небольшой письменный стол и шезлонг – идеальное место, чтобы читать или просто глазеть на приплывающие и уплывающие из гавани суда.

В другом конце номера разместилась громадная гардеробная – большая редкость и экзотика для того времени. Рядом – ванная с двумя туалетными столиками, душевой кабиной и огромной ванной на ножках.

Номер назывался «Люкс Хэдли» – в честь первой хозяйки, бабушки Саймона и Кейт.

Когда малышка Хэдли достаточно повзрослела, чтобы переехать из детской в свою комнату, Гаррисон поселил ее именно сюда, где она и выросла. Здесь она жила вместе с мужем Малькольмом, когда вернулась ухаживать за стариком Гаррисоном. К тому времени ее собственные дети уже выросли и завели семьи. Именно сюда Хэдли удалилась оплакивать две смерти, которые потрясли ее до глубины души: сначала своего горячо любимого отца Гаррисона, а всего несколько месяцев спустя – верного спутника Малькольма.

Кейт знала, что здесь Хэдли испустила последний вдох. Она была при этом. Саймон обзвонил родных. Они бросили все, приехали к Хэдли и сидели у ее изголовья, пока не настал последний час. Она мирно, даже радостно перешла в другой мир, окруженная живыми, которые оплакивали ее уход, и мертвыми, которые радовались ее приходу. Хэдли обняла мужа и отца, увидела склонившуюся над изголовьем мать и бросилась к ней в объятия – обе зарыдали сладкими слезами воссоединения.

– Моя дорогая девочка, – повторяла ее мать снова и снова. – Моя дорогая девочка.

Кейт забилась поглубже под одеяло и закрыла глаза, не подозревая, что Хэдли сидит на кровати рядом и гладит ее по голове. Если бы Кейт не так устала, она могла бы почувствовать присутствие бабушки и даже увидеть ее призрачную фигуру – полупрозрачную и плотную одновременно. Могла бы заметить платье в стиле 1920-х, фарфоровую кожу без единой морщинки и блестящие темные волосы.

Но сейчас Кейт ощущала только спокойствие. Потому что любимая бабушка оберегала внучку во сне, как будто преграждая путь кошмарам.

* * *

– Ночью что-нибудь снилось?

Саймон уже накрыл в баре на двоих, сварил кофе и переворачивал огромный омлет как раз в тот момент, как Кейт спустилась утром из своего номера. Аляска шла за ней по пятам.

– Ничего. – Кейт уселась на стул. – Если не считать странного и дурацкого кошмара, будто я пришла на работу голой.

Саймон фыркнул.

– Видимо, не все сны связаны с покойниками, – продолжила Кейт, прихлебывая кофе и глядя в окно на гавань, где лениво плыли два парусника с цветными спинакерами [б - Большой легкий парус в передней части судна, который поднимается при попутном ветре и тянет за счет прямого давления потоков воздуха.]. – У тебя тут потрясающий вид. Мне всегда нравилось.

– Мне кажется, тебе стоит насладиться этим видом подольше, а не только на выходные, – заметил Саймон. – Я тут подумал... Почему бы тебе не задержаться?

– Я бы с удовольствием, но мне очень нужно вернуться домой.

Едва это слово слетело с ее губ, Кейт поняла, насколько оно пустое и бессмысленное. «Домой»? Где ее дом?

– А, да, тебе же на работу. – Саймон отхлебнул кофе и бросил на нее взгляд поверх ободка чашки.

– Я уволилась, – призналась Кейт. – После измены Кевина с нашей стажеркой мне даже появляться там не хочется, понимаешь? И брак, и карьера рухнули в один вечер. Рекорд, наверное.

- Вот ублюдок, - пробормотал Саймон.

- Просто поверить не могу, что все кончено, - сокрушенно сказала Кейт.

Упомянув мужа, она вспомнила все, начиная с первой встречи с Кевином и заканчивая тем вечером в баре, когда она застукала мужа с женщиной, которая явно была его любовницей.

Кейт познакомилась с Кевином в местной газете «Газетт». Он редактировал разделы спортивных и национальных новостей, а она писала очерки, заметки о путешествиях и передовицы.

Кевин работал в газете уже больше года, когда Кейт только поступила на службу. Она сразу заметила его. Он привлек ее теплой улыбкой и долгим рукопожатием, когда их представили друг другу. Когда их ладони соприкоснулись, Кейт почему-то вздрогнула.

- У нас традиция: в первый вечер новички проставляются в баре, - сообщил ей Кевин в конце рабочего дня.

- Правда? Не слышала о такой традиции.

Кейт улыбнулась ему. Кевин был далеко не самым красивым из встреченных ею мужчин, но благодаря веснушчатому носу и плутовской улыбке по-своему привлекательным. Кейт задумалась, есть ли у него девушка или, хуже того, жена.

- Собираемся в пять тридцать. Не опаздывай. И прихвати кредитку.

Кейт нервничала, прикидывая, сколько из своей скудной зарплаты придется выложить в баре. Но когда она пришла, то с удивлением обнаружила за столом только Кевина.

- А я думала... - Кейт огляделась, недоумевающая, где же остальные.

- Ладно, сознаюсь: я все выдумал, - ухмыльнулся Кевин. - Просто хотелось получше узнать тебя, но я не был уверен, придешь ли ты, если здесь будем

только мы вдвоем. Ты не останешься?

Кейт присела рядом с ним.

– Только при условии, что выпивка с тебя.

– Что ж, справедливо. – Он сделал жест официанту.

Кейт улыбнулась. Новая работа только что стала намного интереснее.

Весь вечер они болтали: начиная с безобидных тем (как и ожидалось от сослуживцев) вроде любимых фильмов и ресторанов и заканчивая личными, вроде воспоминаний о детстве и университете. Кейт часто говорила, что влюбилась в Кевина в тот первый вечер: где-то между его веселой историей о выпускном, когда его машина оказалась на дне Песчаной реки, и ее рассказом о студенческой выходке, когда они с друзьями стащили со всех городских газонов украшения в виде пластиковых оленей, уток и фламинго и поставили на лужайке перед домом ее тогдашнего бойфренда.

Но в глубине души Кейт знала, что влюбилась в Кевина в тот самый миг, когда увидела его одиноко сидящим за столом. Было что-то особенное в том, как он ждал ее. Словно всю жизнь караулил, когда она войдет в дверь. На следующий день Кейт рассказала обо всем Саймону.

– Как только я увидела его, то сразу поняла, что выйду за него замуж, – вздохнула она в трубку. – Помяни мое слово: я только что познакомилась с будущим мужем.

Кевин и Кейт больше никому не говорили, что встречаются. В газете не одобряли служебные романы, а они оба были еще новичками. У Кейт только-только начался стандартный трехмесячный испытательный срок, и ни она, ни Кевин не хотели рисковать работой, если вдруг поползут слухи об их романе. В редакции они вели себя как коллеги – спокойно-дружелюбно. Никто не догадывался, что за их приветливыми, хоть и несколько официальными отношениями таится пламя страсти. Кевин мастерски скрывал свои чувства – настолько хорошо, что в начале их отношений Кейт долго ломала голову: может, она неправильно истолковала его пыл в первую ночь. Они покидали редакцию порознь, громко заявляя о планах пойти в спортзал или прошвырнуться по

магазинам, а сами позже встречались у нее дома. В то время Кейт снимала небольшой коттедж на берегу озера в нескольких милях от города. Выбрала этот домик из-за его старомодного очарования и вида на озеро, а оказалось, что удаленность делает его очень удобным местом для тайных свиданий. Никто не заявит к ней без предупреждения и не застанет их вместе. А проезжая мимо, не заметит его машину, припаркованную на подъездной дорожке.

В те первые дни, в первые сладкие, уединенные, полные тайн недели, Кейт жила словно в мире грез. У нее появилась работа, о которой она всегда мечтала: с тех самых пор, как открыла в себе любовь к журналистике, когда писала статьи для школьной газеты. Кейт хотела устроиться в «Газетт», когда вырастет, и теперь ее мечта осуществилась. Она обожала свою работу и вскоре стала известной журналисткой. Читатели хвалили ее статьи.

Только они с Кевином знали, что сбылась и другая мечта Кейт – влюбиться. Кейт не могла поверить в удачу. Она никогда в жизни не была так счастлива.

Поскольку их отношения были запретными, им нравилось обмениваться на работе намеками – это будоражило. Кевин и Кейт придумали игру: соревноваться, кто сумеет нарушить самообладание другого, обмениваясь прямо в редакции невинными, казалось бы, фразами, намекающими на их тайную близость. Кевин начал первым, положив на стол Кейт записку с одним словом – «каное». Кейт знала, что он имеет в виду: накануне вечером они отправились на каное на небольшой остров прямо через залив от дома Кейт. Но не очень хорошо закрепили каное на берегу. Когда Кейт перевела взгляд с расстеленного на земле пледа на лодку, то увидела, как та свободно плывет посреди озера. После того как они посмеялись от души, Кевину пришлось лезть в воду, чтобы пригнать каное обратно.

Кевин впервые признался Кейт в любви в редакции. Это случилось примерно через месяц после начала отношений. Он подошел к ее столу со стопкой бумаг и, наклонившись, шепнул ей на ухо: «Я люблю тебя». Затем провел пальцем по ее руке и отошел как ни в чем не бывало. По телу Кейт словно пробежал электрический разряд. Она влюбилась в него в их первый вечер в баре и очень обрадовалась, когда он наконец-то признался, что чувствует то же самое. Позже этот малозаметный жест – быстро провести пальцем по руке – стал означать «я люблю тебя» на их условном языке. Так они тайком признавались друг другу в любви у всех на виду.

Поскольку Кейт с Кевином нигде не появлялись вместе – если не считать тех вечеров, когда все сослуживцы собирались выпить в баре, то большую часть времени проводили дома. У них быстро появился свой распорядок дня, словно у пожилых супругов: ужинали у нее дома, обсуждали рабочий день, иногда вместе смотрели фильм или телешоу, а потом отправлялись в постель.

Иногда по выходным Кевин оставался у нее, но чаще всего Кейт просыпалась и обнаруживала, что его нет. При виде пустующей половины кровати она чувствовала себя брошенной и несчастной, но всякий раз отмахивалась от этих ощущений. В конце концов, Кевину нужно принять душ и переодеться перед началом рабочего дня.

Через три месяца после первой встречи в баре Кевин сделал Кейт предложение. Они сидели на причале перед ее домом солнечным субботним днем, болтая ногами в прохладной воде. Он вытащил кольцо из кармана и взволнованно произнес:

– Оно принадлежало моей матери. Я и представить не могу, чтобы кто-то, кроме тебя, носил его. Ты... То есть я хочу спросить: ты выйдешь за меня?

Кейт была ошеломлена. Все произошло слишком быстро. Кевин даже не познакомился с ее родными, а она – с его. Кейт знала, что он вырос в семье военного, но не знала, что за время учебы сменил полтора десятка школ. Не знала, что в детстве он постоянно заводил и терял друзей. Маленький Кевин наблюдал в заднее стекло отцовского внедорожника, как исчезали его многочисленные друзья, чтобы в другом городе встретить им на смену других мальчиков-ровесников. Он быстро понял: незаменимых нет.

В детстве Кевин освоил искусство быстро располагать к себе людей и заводить друзей, отчаянно пытаясь сблизиться хоть с кем-то, пока его жизнь не разрушилась в очередной раз из-за того, что семье придется паковать чемоданы и переезжать на новое место назначения отца. За долгие годы Кевин прекрасно научился заводить отношения. А вот поддерживать не научился – практики не было. Он начинал новый жизненный этап, просто оставляя людей позади, зная, что их место займет кто-нибудь еще. Но Кевин никогда не задумывался о таких вещах – как и о том, насколько это может навредить браку. Он предпочитал не копать так глубоко. Поэтому, предлагая Кейт провести вместе всю жизнь, он и не подозревал, что это невозможно.

Кейт не знала обо всем этом в тот день на причале, когда Кевин сидел рядом с ней с кольцом в руке, но знала, что на его вопрос может быть только один ответ. Она не могла представить себе жизни без Кевина. В отличие от него отношения Кейт всегда длились очень долго.

Она ответила «да», он надел кольцо ей на палец, и они много часов просидели на причале, глядя на солнечные блики в воде и тихо беседуя о будущей совместной жизни, которая виделась им все отчетливей.

Позже они задумались, как объяснят на работе предстоящую помолвку. В конце концов, коллегам нельзя встречаться, а они собираются пожениться. Оба любили свою работу. Как все объяснить? Что произойдет, когда откроется правда?

– По-моему, надо позвонить Стэну прямо сейчас и пригласить его встретиться в баре. – Кевин имел в виду Стэна Корригана, главного редактора газеты. – Расскажем про нас, попросим его благословения и будем надеяться на лучшее.

Встреча закончилась лучше, чем ожидали Кевин и Кейт. Хотя Стэн не подозревал об их отношениях, он обрадовался будущей женитьбе.

– Замечательная новость, ребята. – Стэн обнял обоих и заказал выпивку. – Команда из супругов наверняка окажется прочной, – пробормотал он себе под нос.

У Кейт возникло странное ощущение, что ее мечта о совместной жизни с Кевином только что обрела под собой опору и шагнула в жестокий реальный мир. Стэн знает. Скоро узнают и другие. Все это реально. На самом деле. Они решили сообщить новость остальным сотрудникам в понедельник.

Придя в то утро в офис, Кейт изрядно нервничала. Кевин уже сидел за своим столом с обычным невозмутимым видом, благодаря чему их отношения последние три месяца оставались тайными. Они тепло улыбнулись друг другу.

По понедельникам в редакции проходили летучки, на которых обсуждали предстоящую неделю. Каждый отдел рассказывал о своих планах, о чем и как собирается писать. Коллектив был небольшим и дружелюбным. Там же, на летучках, объявляли о днях рождения и других важных событиях в жизни

коллег.

Когда настала очередь Кейт, она предложила пару тем и рассказала, как искала источник информации и фотографию. Потом продолжила:

– Хочу еще кое-что добавить. В прошлые выходные у меня произошло потрясающее событие – помолвка!

Новость Кейт сначала вызвала изумленные взгляды коллег: никто не подозревал, что она с кем-то встречается. А потом раздались радостные возгласы и начались объятия. Все хотели знать, кто этот счастливчик.

– Кевин, может, ты продолжишь? – Кейт улыбнулась через стол жениху.

Еще больше изумленных взглядов и отвисших челюстей. И снова крики, объятия, восклицания. Кейт с Кевином были на седьмом небе – они смеялись и рассказывали, как им удалось сохранить отношения в тайне.

Даже Стэн подключился и пригласил всех отпраздновать событие в баре после работы.

– Первая выпивка за счет «Газетт»! – воскликнул он.

Для Кейт было облегчением наконец-то не скрывать свои чувства к сидящему рядом мужчине.

С этого момента и до дня свадьбы Кейт закружило в вихре, который всегда обрушивается на только что помолвленную женщину. Знакомство ее родителей с мужчиной ее мечты и объявление о помолвке стало самым радостным событием в ее жизни. Вначале между будущими родственниками возникло недоверие, но после нескольких бутылок вина оно исчезло. Фред и Беверли подняли тост за молодую пару и радушно приняли Кевина в семью. Родители Кевина, которые поселились в маленьком городке в нескольких милях отсюда, когда отец ушел в отставку, тоже были рады.

Затем началась предсвадебная суета: покупка платья, выбор фотографа (молодого парня из их газеты), флориста, музыки, места проведения. Что подать

на приеме – стейк или курицу? Сделать бар бесплатным или нет?

Когда Кейт наконец пошла по проходу под руку с отцом к единственному мужчине, которого любила, то в глубине души верила: ей очень повезло. Теперь им оставалось просто жить той захватывающей жизнью, что они создали для себя сами.

Прошло пять лет. За это время молодожены успели купить дом и пару машин, привыкнуть к супружеской рутине и сделать в газете карьеру, пройдя путь от журналистов до редакторов.

Однажды Кевин вернулся из магазина с большой коробкой для канцелярских товаров.

– У меня для тебя подарок, – сказал он.

Жена улыбнулась:

– Надеюсь, не бумага для принтера.

– Открой и узнаешь.

Он поставил коробку перед ней. Кейт осторожно сняла крышку и заглянула внутрь. Там обнаружился маленький черно-белый пушистый собачий шарик: наружу торчали только лапки, зубки и хвост. Кейт взвизгнула, достала живой комочек из коробки и прижала к шее. Щенок тут же прикусил ее подбородок острыми маленькими зубками.

– Я знаю, ты давно хотела собаку, – улыбнулся Кевин. – Увидел в газете объявление о продаже щенков маламута и подумал...

Но Кейт уже не слушала. Это была любовь с первого взгляда. Много позже, вспоминая тот день, Кейт поняла: что бы ни натворил Кевин, сколько бы душевной боли ни причинил, благодаря ему в ее жизни появилась Аляска, и за это она ему навсегда благодарна.

Когда их брак распался, друзья спрашивали Кейт, с какого момента все пошло не так. Может, назревало уже давно? Замечала ли она признаки измены?

По правде говоря, Кейт была шокирована новостью об интрижке Кевина, но, оглядываясь назад, поняла: ей следовало увидеть знаки – такие же яркие и заметные, как неоновые огни на Таймс-сквер.

В конце концов, их отношения тоже начинались как тайный роман. И хотя Кейт не собиралась рассказывать об этом никому, даже Саймону, ей показалось, что Кевину очень нравились секретность и запретный характер отношений в те далекие дни. Страсть между ними значительно поугасла после свадьбы, но Кейт рассудила, что это нормально: ни одна женатая пара не сможет пронести пылкость через всю жизнь.

И все же в глубине души Кейт часто ловила себя на мысли, что Кевина в их отношениях по-настоящему будоражила только тайна. Кейт не подозревала, что у Кевина никогда не было таких долгих отношений. Он всегда жаждал острых ощущений, завоеваний, приключений. Хотел сблизиться с новым человеком. Страстно желал услышать интересные истории из чужих жизней. Для Кейт их отношения становились все глубже с каждым днем, а для Кевина – разрушались.

Она узнала о романе мужа в свой день рождения. Их друзья – в основном сотрудники газеты – собрались в баре поболтать, но у Кейт совсем не было настроения для вечеринки. Последние несколько недель она чувствовала: с браком что-то не так. Ничего конкретного, просто смутные опасения, которые она не могла точно выразить словами. Кевин постоянно находил предлоги улизнуть из дома: то спортзал, то долгие прогулки, то работа допоздна, то еще что-нибудь. Все это оставляло у Кейт во рту кислый привкус, как при несварении желудка. Но все это не казалось настолько существенным, чтобы устраивать сцену. Ведь нет же ничего необычного, что у ее мужа много дел? Он всегда возвращался домой, правда?

Помимо частых походов в спортзал Кейт заметила и то чрезмерное внимание, которое муж уделял своей новой стажерке Валери. Та была довольно красива: черные как смоль волосы, идеальная фигура, к тому же на десять с лишним лет моложе Кейт и Кевина. Он нанял Валери, чтобы она помогала вести раздел новостей, и упоминал ее при Кейт нарочито небрежным тоном.

Но в последнее время говорил о ней все чаще и чаще. По его словам, он взял молодую стажерку под крыло, чтобы объяснить ей все тонкости и немного облегчить долгий и трудный подъем по карьерной лестнице.

– У этой девочки огромный потенциал, – любил повторять Кевин. – Мне кажется, мы нашли настоящее сокровище.

В этом тоже нет ничего необычного, правда? Просто честное профессиональное мнение. Ничего неприличного. Опытный наставник и юная ученица. Однако радар Кейт засек какой-то сигнал и с тех пор гудел, не переставая. Умом она понимала, как все банально: жена подозревает, что у мужа роман с хорошенькой молоденькой стажеркой. Кроме того, Кейт доверяла Кевину. Вот почему это неприятное чувство все сильнее беспокоило ее.

У нее никак не выходил из головы легкий холодок между мужем и стажеркой, их сугубо деловая манера общения... Кейт показалось, что Кевин изо всех сил старается продемонстрировать окружающим: между ними ничего нет.

Но на вечеринке в честь ее дня рождения в баре все дружно выпивали. Несколько бутылок пива развязали языки и руки. После того как все выпили по нескольку раз, Кейт заметила что-то знакомое в том, как ее муж реагировал на эту молодую женщину. Она не могла понять, в чем дело... но было что-такое в том, как оба на секунду-другую встречались взглядами, а потом отводили глаза.

Саймон прервал поток воспоминаний Кейт, возвращая ее в настоящее – в дом Гаррисона в Уортоне.

– Слушай, ты как будто не здесь, – заметил он. – Думала о Кевине?

Кейт кивнула, не зная, что сказать.

– Я все время вспоминаю наш недавний разговор, что Кевин часто работал допоздна, – размышлял вслух Саймон, прихлебывая кофе. – Ты его постоянно оправдывала. Я кое-что заподозрил, но не сказал тебе. А зря.

Кейт поморщилась:

– Когда я застучала его с поличным, показала себя далеко не образцом выдержки и достоинства. До сих пор немного стыжусь своего поведения.

– Ты так и не рассказала мне, что именно произошло. – Саймон наклонился поближе. – Хочешь поговорить об этом?

– Коллеги собрались в баре отпраздновать мой день рождения, – начала Кейт. – Когда все выпили, Валери встала и пошла в дамскую комнату. Она даже не посмотрела на Кевина, но через несколько секунд он извинился и вышел вслед за ней. Это меня насторожило. Именно так мы поступали, когда притворялись перед коллегами. И я решила проследить за ним.

Саймон присвистнул и покачал головой:

– Seriously?

– Да, серьезно. Застучала их в коридоре возле туалетов. И как раз вовремя: я увидела, как мой муж быстро провел пальцем по ее руке, когда они прошли мимо друг друга. Для большинства это легкое прикосновение ничего не значит, но мы именно так тайно признавались друг другу в любви при посторонних. А теперь он точно так же дотрагивался до другой женщины.

– Ну и ну, – протянул Саймон. – А потом?

– Я устроила ему сцену. Спросила его: «Чем это вы сейчас тут занимались?» Он начал заикаться. Подумать только: заикаться! Валери прошмыгнула обратно на свое место. А Кевин вдруг стал удивительно спокоен и спросил меня, что же такое я увидела. Обвинил в том, что я слишком много выпила и выдумываю всякую чепуху. Я похолодела. Ведь точно знала: мне не померещилось. Знала, что означает этот жест. И тогда я вернулась к столу и плеснула выпивку ей в лицо.

– Не может быть! – хихикнул Саймон. – Ты прямо как Алексис в сериале «Династия» [7 - «Династия» – американский телесериал о нефтяных магнатах (1981–1989, перезапуск – 2017); упомянутый персонаж – злобная бизнесвумен, противостоящая главной героине.].

Кейт уронила голову на стол. Ее плечи содрогались от смеха.

- А еще я швырнула в нее попкорном!

- Господи. Только не попкорн.

Кейт вспомнила, как развернулась и пошла к своему столику, а Кевин тащился за ней, умоляя:

«Пожалуйста, не устраивай сцен. Давай спокойно все обсудим...»

Но тщетно. Какая наглость с его стороны выставлять свою измену напоказ в ее день рождения! Публично флиртовать с этой девкой прямо на глазах у друзей, собравшихся отпраздновать! После этой мысли в голове Кейт что-то щелкнуло, и, подойдя к столу, она сделала то, о чем прежде и помыслить не могла: выплеснула свою выпивку в лицо Валери с криком: «Это тебе за пять лет брака, который ты только что разрушила!»

Все за столом ошеломленно замолчали. Никто не произнес ни слова. У Кейт возникло ощущение, что она наблюдает со стороны, а не участвует во всем этом. Она увидела, как хватает со стола полупустую тарелку с попкорном и вываливает содержимое на колени Валери, прошипев:

«А это тебе за твою тупость: как будто я не замечала, что происходит между тобой и моим мужем!»

Затем Кейт увидела, как ее рука схватила стакан соседа со словами «Извини, Боб, следующая порция за мой счет» и метнула в Кевина с криком: «А это тебе за то, что ухлестываешь за этой грязной шлюхой на глазах у наших друзей!»

И Кейт пулей вылетела из бара, горько рыдая от обиды. Кевин побежал за ней.

- Кейт, стой! Давай поговорим! - Его вопль было слышно на всю мокрую от дождя парковку. Но она просто открыла дверцу и забралась в машину.

- Не хочу больше тебя слушать! - крикнула она, отъезжая.

Дома она собрала чемоданы, прихватив и любимые игрушки Аляски, усадила собаку в машину, и они поехали через весь город в дом родителей Кейт. Ей казалось, что она действует на автопилоте, словно кто-то управляет ею. Все так ужасно... Как Кевин мог изменить ей? Как она сможет снова жить в родительском доме? Как ее брак мог развалиться? Неужели все это было обманом?

Через несколько дней она позвонила Стэну и попросила об увольнении. Он отказал.

– Послушай, Кейт, я не могу обойтись без тебя. Давай ты возьмешь отпуск на несколько недель и все хорошенько обдумаешь? Может, все-таки помиритесь.

Кейт еще не знала, что в понедельник утром Кевин пришел в редакцию с понурым видом и рассказал Стэну – и всем остальным, собравшимся на летучку, что у Кейт после выкидыша психологические проблемы. Какая убедительная ложь.

Кевин глубоко вздохнул и покачал головой:

– Вы все знаете, что она обвинила меня в измене. Это, разумеется, неправда, и я могу ей только посочувствовать. И прошу вас о том же. – Он окинул взглядом коллег, молча сидевших за столом. – Кейт все еще горюет о нашем потерянном ребенке. Вы ведь заметили, что она сама не своя?

Ответом ему стали кивки и бормотание.

– Знаю, все случившееся выглядело полным безумием, но ее вины в этом нет. Пожалуйста, поймите, Кейт сейчас очень тяжело. Вы могли бы помолиться за нее? За нас обоих?

Начались слезы и объятия. Все пообещали помолиться и разошлись по кабинетам, громко жалея любящего мужа и его «горюющую» (хотя и не вполне вменяемую) жену. Воспользовавшись суматохой, Валери решила уволиться. Стэн испытывал и огорчение, и облегчение.

Никто, конечно, и не подозревал, что после сцены в баре между Валери и Кевином произошел откровенный разговор. Он только что публично заявил, что между ними ничего нет, и это потрясло Валери. Это были самые близкие, самые глубокие отношения в ее жизни, хотя и начались всего несколько месяцев назад. Кевин знал о ней все – она поверяла ему самые сокровенные чувства, тайны и страхи. Его внимание опьяняло ее.

Валери, как и Кейт, не подозревала, что Кевин обожал вовсе не ее саму, а процесс, когда душа другого человека раскрывается, становится ближе.

Валери потребовала объяснить, почему он не воспользовался этой (пусть и безобразной) ситуацией, чтобы официально объявить об их отношениях. Последние несколько месяцев он твердил ей, что просто ждет подходящего момента, – ну так разве сейчас не подходящий? Он ведь в самом деле собирался бросить жену и жениться на ней, как обещал? И если не сейчас, то когда? У них будет совместная жизнь или нет?

Когда Кевин ответил, что пока что им нужно отложить все планы, чтобы соблюсти приличия, Валери увидела, как его ложь растворяется в воздухе, словно туман над озером. Он предпочел ей свою никчемную, скучную жену. И тут в глубине израненной души Валери вспыхнула ярость, которой она никогда раньше не испытывала.

Но Кейт понятия не имела обо всем этом в то утро, когда Стэн попросил ее подумать насчет увольнения.

– Ладно, Стэн, – согласилась она. – Я все обдумаю и позвоню через несколько недель.

Но она уже знала, что никогда не вернется в газету. Работа бок о бок с Кевином... Кейт не могла оставаться там после крушения семьи. И с каждым днем все яснее понимала, какой чудовищной ошибкой оказался этот брак.

Когда Кейт с Саймоном закончили хохотать и плакать над случившимся в баре, кузен накрыл ее ладони своими.

– Послушай, сейчас я скажу кое-что такое, что покажется тебе бессердечным и жестоким.

- То есть ничего новенького, - фыркнула Кейт.

- Я серьезно. - Он сжал ее ладони. - Не сердись, но после смерти бабушки ты, как и я, получила неплохое наследство.

- И?

- И, я надеюсь, ты заключила брачный контракт?

- Кажется, он аж высечен на скрижалях, - усмехнулась Кейт. - Брачный контракт - единственное, на чем настоял мой отец, когда я сообщила родителям, что так стремительно выхожу замуж.

- Спасибо дяде Фреду, - улыбнулся Саймон. - Хотелось бы узнать условия, если не возражаешь.

- Там сказано, что в случае развода наше совместно нажитое имущество будет поделено между супругами за исключением имущества в трастовом фонде.

Тут Саймону пришла в голову мрачная мысль:

- А если ты умрешь?

- Тогда траст унаследовали бы наши дети. А если их нет, то половина - Кевину, половина - моим родителям.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов, основанная на аналогичном звучании англ. son (сын) и sun (солнце); параллельное значение фразы – «Бену, моему солнцу, луне и звездам».

2

Мыло белого цвета, производимое с 1879 года компанией «Procter & Gamble» и обладающее способностью не тонуть, а плавать (Прим. пер.).

3

Великое озеро (англ. Great Lake) – так часто неофициально называют озеро Верхнее (Lake Superior), крупнейший водоем самой масштабной на земном шаре системы пресноводных озер под названием Великие озера (по всем главным водам этого комплекса, за исключением озера Мичиган, проходит граница США и Канады); само слово superior также имеет значения «наибольший», «главный».

4

В США дети начинают посещать школу в основном с пяти-шести лет.

5

Англ. willow – ива.

6

Большой легкий парус в передней части судна, который поднимается при попутном ветре и тянет за счет прямого давления потоков воздуха.

7

«Династия» – американский телесериал о нефтяных магнатах (1981–1989, перезапуск – 2017); упомянутый персонаж – злобная бизнесвумен, противостоящая главной героине.

Купить: https://tellnovel.com/uebb_vendi/docheri-ozera

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)